

Шизо и Цикло. Присмотрись,
кто рядом с тобой.

Психологический
определитель

Лев Шильник

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АССОНАТА

ЛЕВ ШИЛЬНИК

ШИЗО И ЦИКЛО

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ

Оглавление

Лев Шильник Шизо и цикло.
Присмотрись, кто рядом с то-
бой Психологический определитель

4

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОТ АВ-

ТОРА	6
ОТ ПЕЧКИ	12
КРОВЬ И ЖЕЛЧЬ	15
ЗНАМЕНИТАЯ ОСЬ КРЕЧМЕ- РА	18
	50
ПОСЛЕ КРЕЧМЕРА	67
ФИЗИОГНОМИКА И ПРОЧЕЕ	70
ТЕМПЕРАМЕНТ И ХАРАКТЕР	

73

76

ДАВЛЕНИЕ СРЕДЫ

99

ВОЛАНД И БЕРЛИОЗ

102

104

КОЕ-ЧТО О ГЕНИЯХ

128

133

166

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРА-

ТУРА

170

173

Лев Шильник Шизо и
цикло. Присмотрись, кто
рядом с тобой
Психологический
определитель

Дано мне тело—что мне делать
с ним, Таким единым и таким
моим?

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОТ АВТОРА

В свое время немецкий психиатр Эрнст Кречмер обратил внимание на очевидную связь физической конституции с психической. Оказалось, что среди *шизоидов* (странных, замкнутых и чудаковатых субъектов) преобладают люди *астенического* телосложения, а среди *циклоидов* (жизнелюбов, бонвиванов и весельчаков)— *пикнического*. Подробную характеристику этих психологических типов и обстоятельный разбор кречмеровской типологии читатель найдет в тексте. Здесь же достаточно сказать, что под шизоидами и циклоидами следует в данном случае понимать абсолютно здоровых людей, но имеющих отчетливые характерологические особенности определенного знака. Если шизоиду суждено заболеть психически, то почти всегда это будет психоз шизофренического круга, циклоид же более склонен к развитию депрессивных состояний. Таким образом, термины «шизоид» и «циклоид» говорят всего лишь о большей или меньшей вероятности того или иного душевного расстройства (это ни в коем случае не приговор, и никаким детерминизмом здесь даже не пахнет).

Полагая, что так называемая средняя норма—не более чем умозрительная абстракция, Кречмер разместил все богатство психологических типов на шкале «шизо—цикло».

Справедливости ради следует сказать, что Кречмер не был первопроходцем в полном смысле этого слова. Еще в глубокой древности делались попытки увязать психику и со-матику (от греч. soma—тело) в единое целое. Древнегреческий врач Гиппократ за 400 с лишним лет до рождения Христа создал учение о темпераментах, а из-под пера великого Аристотеля выходили, например, такие определения: «Человек, который близ висков имеет мясистый лоб и надутые щеки, бывает храбр, высокомерен, сердит и весьма тупых понятий». Уже в новое время «пристегнуть» физическую конституцию к тем или иным особенностям характера пробовали основоположник физиогномики Иоганн Каспар Лафатер, творец френологии Франц Йозеф Галль и многие другие, но Эрнст Кречмер впервые поставил дело на истинно научную основу. Впоследствии его пионерские работы были продолжены многими

выдающимися зарубежными и отечественными психологами и психиатрами (Юнг, Шелдон, Ганнушкин и др.). В наши дни получили широкое распространение типологические модели акцентированных характеров в духе Леонгарда и Личко.

Многие исследователи нередко грешили неумеренной абсолютизацией отдельных сторон человеческой психики. Одни говорили об основополагающей роли наследственных задатков (отсюда, в частности, «растут ноги» некогда весьма популярной *теории о врожденном преступнике* итальянца Чезаре Ломброзо), а другие, наоборот, настаивали на примате социального. Дескать, психика новорожденного младенца—это чистая доска, *tabula rasa*, на которой воспитатель волен писать все, что угодно. Среда—воятель, а биологическая почва—косная материя. Подобного рода дихотомия давно стала историей, и в наши дни ни одному серьезному ученому не придет в голову разрушать двуединство биологического и социального в природе человека.

Все эти увлекательные вещи, о которых пойдет речь в нашей книге, – строение тела и характер, психологические типы и темпераменты, френология, физиогномика, гипноз, феномен гениальности и многое-многое другое—так или иначе являются предметом психологии и психиатрии. Исключение составляет только первая глава, в которой коротко рассказывается о проблемах антропогенеза—происхождения рода человеческого.

Эта тема нам представляется тем более необходимой, что в последние годы возобладала тенденция рассматривать вид *Homo sapiens* вне его эволюционных и биосферных связей. Строгую науку все чаще подменяют замшелыми религиозными догмами. Причем сплошь и рядом критикой дарвинизма, эволюционной теории и современной биологии занимаются люди, не смыслящие в этих вопросах, извините, ни уха ни рыла. Справедливость должна быть восстановлена, поэтому мы не только коснемся биологических «корешков» венца творения, но и поговорим о сложных формах поведения высших животных,

которые несводимы к голому инстинкту и из которых, без сомнения, вырос человеческий интеллект.

Если же уважаемому читателю, несмотря ни на что, все-таки неприятно происходить от обезьяны, он может пропустить эту главу безо всякого для себя ущерба.

ОТ ПЕЧКИ

Начать придется от печки—с набившей оскомину байки о Пчеле и Архитекторе. Ее мораль незамысловата: животные изготавливают свои орудия и строят жилища, повинаясь инстинктивной программе, не зная заранее, что получится, а человек, прежде чем соорудить самый примитивный шалаш или обтесать непослушный камень, должен все это сначала проделать у себя в голове. Человек действует, опираясь на разум и строя план. Это пространное отступление понадобилось нам исключительно для того, чтобы точно указать место, которое человек разумный занимает на лестнице живых существ. Несмотря на то, что вид *Homo sapiens* является в значитель-

ной степени продуктом общественного развития, несмотря на противотанковые ежи и рогатки второй природы, намертво, казалось бы, отгородившие его от свободной игры стихий, биологические корни человека никуда не делись и время от времени властно напоминают о себе. Самые тонкие душевные движения и высокие порывы, которые мы привыкли считать сугубо человеческим приобретением, при детальном исследовании уводят нас глубоко вниз—в те пласты, которые мы делим с нашими далекими предками.

КРОВЬ И ЖЕЛЧЬ

«Черт простого народа большей частью худой, с тонкой козлиной бородой на узком подбородке, между тем как толстый дьявол имеет налет добродушной глупости. Интриган—с горбом и покашливает. Старая ведьма—с высохшим птичьим лицом. Когда веселятся и говорят сальности, появляется толстый рыцарь Фальстаф с красным носом и лоснящейся лысиной. Женщина из народа со здравым рассудком низкоросла, кругла как шар и упирается руками в бедра. Словом, у добродетели и у черта острый нос, а при юморе—толстый. Что мы на это скажем?» Впрочем, нас с вами не должен смущать некоторый разнобой в интерпретациях, потому что все тео-

рии, как заметил отечественный классик устами своего героя, стоят одна другой. Известный психиатр Владимир Леви, скажем, вообще относится к «школьным» темпераментам без должного уважения. В своей увлекательной книжке «Я и Мы» он, в частности, пишет о том, как вознамерился было написать о них целую главу, но когда «циничнейший наполеоновский министр Фуше, как флегматик, попал на одну доску с добрейшим Иваном Андреевичем Крыловым, а античный герой Геракл очутился в одной компании с тем злополучным павловским псом, который чуть что мочился под себя» (оба оказались меланхоликами), эту бесплодную затею пришлось оставить.

ЗНАМЕНИТАЯ ОСЬ КРЕЧМЕРА

Нам с вами, уважаемый читатель, уже давно пора вернуться к Эрнсту Кречмеру с его нашумевшей дихотомией «шизо—цикло». Если в середину этой шкалы, рассуждал Кречмер, поместить обычного среднего человека, то можно считать, что радикалы «шизо» и «цикло» находятся у него в относительном равновесии. Другими словами, такой человек имеет примерно равные шансы (впрочем, очень и очень небольшие) заболеть шизофренией или приобрести маниакально-депрессивный психоз. По одну сторону оси располагается шизотимик, а по другую—соответственно циклотимик (маниакально-депрессивный психоз иначе называют циклофренией, а его легкую форму—циклотимией).

«Тимос» в переводе с греческого означает «дух, душа», поэтому термин «шизотимик» можно объяснить приблизительно так: человек, чувствующий себя на шизофренический манер. Звучит неуклюже, но смысл понятен—это субъект, в психоэмоциональном складе которого брезжит некий шизофренический «довесок» (*шизо-*

радикал, по Кречмеру). Патологией здесь, разумеется, даже и не пахнет; такой человек абсолютно здоров, просто вероятность выдать психоз шизофренического круга у него несколько выше, чем у гармоничного среднего, стоящего в центре шкалы.

Еще дальше по эту же сторону кречмеровской оси стоит шизоид. Тут уже присутствует некоторая грань; при неблагоприятных условиях или даже спонтанно этот тип может сравнительно легко проделать шизофренический психоз. Более того, даже вне патологического процесса субъекты этого типа вызывают у обычного человека ощущение некоторой необычности, странности, непохожести на других (шизик какой-то, говорят в народе). Но вся штука в том, что и такой человек совершенно здоров. Он совсем не обязательно должен заболеть, просто в семьях классических шизоидов в ряду поколений гораздо чаще, чем в среднем, встречаются случаи истинной шизофрении. Но (повторимся) и шизотимик, и шизоид вполне здоровые и социально адаптированные субъекты, хотя и принято выделять шизоидную

психопатию, однако это уже явная патология, относящаяся к аномалиям характера.

Аналогичным образом по другую сторону шкалы располагаются циклотимик и циклоид. Чем больше мы удаляемся от центра в эту сторону, тем острее становится цикло-радикал, проявляющийся в волнообразных колебаниях настроения и эмоционального тонуса. Разумеется, границы между этими категориями в значительной мере условны, подобно тому как предельно размыта грань между здоровьем и болезнью.

Но и это еще не все. Кречмер связал психические особенности человека, некоторые черты его характера с физической конституцией. Он отмечал, что у больных, страдающих циклотимией, чаще встречается так называемое *пикническое* телосложение: широкая грудь, коренастая фигура, крупная голова, большой живот, нередко избыточный вес. У больных шизофренией, напротив, преобладает *астеническая* конституция: худощавость, узкая грудная клетка, удлиненное лицо, длинные руки и ноги, тонкие, изящные кисти. Хотя слово «астеник» в буквальном перево-

де с греческого означает «лишенный силы», на практике дело обстоит не совсем так, поскольку астеники нередко оказываются очень сильными людьми—как физически, так и психически.

ЦИКЛО

Пикническому конституциональному типу, по Кречмеру соответствует циклоидный темперамент. Это люди общительные, адекватно реагирующие на внешние стимулы, принимающие жизнь такой, какая она есть. Это очень земные люди и преимущественно практики, живущие по принципу: живи сам и давай жить другим. В группе циклоидных характеров Кречмер выделил несколько подгрупп, связанных широкими переходами и вместе с тем наблюдающимися иногда одновременно у одного и того же субъекта: 1) болтливо-веселые; 2) спокойные юмористы; 3) тихие, душевные люди; 4) беспечные любители жизни; 5) энергичные практики.

Типичным представителем циклоидного психоэмоционального склада является, как мы уже говорили, классический синтонный пикник. Поэтому имеет смысл познакомиться с этим психо-

физиологическим типом подробнее. Дать адекватное определение понятию синтонности нелегко. Проще всего перевести его как «созвучный» или «соразмерный». Таким образом, *синтонный пикник*—это плотный, созвучный (соразмерный) человек. Очень часто он толстяк, но толстяк своеобразный. Никто и никогда (даже при очень большой тучности) не назовет его жирным; больше всего, пожалуй, ему подойдет определение «полный». И при очень большом избыточном весе такие люди не лишены известной грациозности. У них большая круглая голова с наклоном к лысине (у мужчин), короткая и крепкая шея, широкое выразительное лицо с закругленными чертами.

У классических пикников никогда не бывает длинных и острых носов.

Причина их удивительного изящества заключается, по меткому определению Владимира Леви, в особом рода двигательной одаренности. Вот как Леви описывает своего приятеля, типичного синтонного пикника: «Когда он садится в кресло, это целая поэма, это непередаваемо, это

очаровательно, это вкусно. Как он себя размещает, водружает и погружает!» Это очень точное и к тому же поэтическое описание. Мышечный тонус пикника меняется быстро и своевременно, поэтому он замечательно владеет своим телом: его движения непринужденны и хорошо согласованны, осанка естественна, а речь богата выразительными интонациями. Под стать всему этому и почерк—плавный, равномерный, слитный, с сильными колебаниями нажима. Зазубрин, острых углов и размашистых «хвостов» в полстраницы у них не найти никогда.

Такая удивительная гармония моторных навыков сочетается с гармонией психологической. Как раз в этом и заключается пресловутая трудноопределимая синтонность. В психологической науке существует термин «эмпатия», который обычно переводят как «вчувствование». Неподдельный синтонный пикник обладает такой способностью в высшей степени. С ним поразительно легко общаться. Вы только что познакомились и подсознательно подозреваете необходимость некоторой «притирки», потому что так

бывает почти всегда. Но ничего подобного не происходит—беседа непринужденно и ненавязчиво катится сама собой. Складывается впечатление, что вы знаете этого человека давным-давно, никаких шероховатостей, заусенцев или даже некоторой неловкости, столь, казалось бы, естественных при шапочном знакомстве, нет и в помине. При этом у вас не возникает впечатления поверхностности или формальной вежливости со стороны хорошо воспитанного человека: собеседник совершенно искренне проникается вашими проблемами, с готовностью разделяет любые ваши переживания и тревоги, охотно говорит о своих неприятностях и готов их обсудить. Вы понимаете друг друга буквально с полуслова, но в вашем общении нет даже и тени фамильярности.

Психологически синтонный пикник весьма характеричен. Это жизнелюб, бонвиван, человек насквозь земной и житейский. Он всех знает, и все знают его; у него масса знакомых, с которыми он поддерживает как минимум приличные отношения. Он всегда готов помочь и советом,

и делом—свой парень, надежный и всегда готовый прийти на помощь, если потребуется. Это человек, на которого можно положиться. Высокие абстракции, изысканные парадоксы и теоретическая заумь решительно не для него. Такие вещи оставляют его вполне равнодушным, что ни в коей мере не говорит о его интеллектуальной ограниченности. Живое дело—вот что ему требуется! Такое дело, где нужно соображать, перестраиваться, быстро переключаться с одного на другое, короче говоря, действовать в условиях жесткого дефицита времени. Здесь он чувствует себя как рыба в воде, это его стихия. Из таких людей получаются прекрасные организаторы и менеджеры, а при наличии художественной одаренности—превосходные артисты, ораторы и конференсье. «Все эксцентричное, фанатическое им чуждо», — писал Кречмер о таких людях. Их отличает какая-то особенная жизненная теплота, сочувственное и внимательное отношение ко всему, какая-то очень естественная человечность.

Но есть у циклотимика и свой скелет в шкафу. Время от времени он скисает (помните о вол-

нообразных колебаниях настроения?), делается квелым и потухшим, напоминая сдутый воздушный шарик. В такие моменты он особенно охотно предается самобичеванию. Все у него не так, дела валятся из рук, ничего не выходит, и вообще жить не хочется—хоть в петлю. Разброс таких реакций весьма широк: от просто плохого настроения, которое со временем нормализуется само собой, до тяжелых депрессивных реакций, когда без помощи психиатра не обойтись.

Прежде чем покончить с «циклоидной» частью кречмеровской шкалы, хотелось бы сказать несколько слов о гипоманьяке—фигуре редкой и даже немного пугающей, представляющей собой обыкновенного циклоида в полном и предельном его развитии. Сначала договоримся о терминах. Слово «маньяк» употребляется здесь отнюдь не в обывательском смысле, когда так называют людей безудержных и неуправляемых, одержимых сильнейшими страстями, часто опасными и неприемлемыми для общества. В нашем случае это исключительно медицинская дефиниция. Под *манией*, или маниакальностью, психологи и

психиатры понимают состояние, противоположное депрессии, сопровождающееся повышенным эмоциональным тонусом. В этом смысле *гипоманиакальностью* принято обозначать состояние, промежуточное между обычным и маниакальным, а конституциональный *гипоманьяк* — это человек, для которого такой повышенный эмоциональный тонус является нормой.

Такие люди всегда очень заметны. Их темперамент не знает границ, бьющая через край энергия захлестывает собеседника с головой (через короткое время вы начинаете ощущать себя убогой трансформаторной будкой рядом с гигантской атомной электростанцией, работающей на полную мощность). Эти люди бешено тратят себя, чудовищно много работают, предаются разнообразным излишествам и почти никогда не устают. Сколько бы энергии гипоманьяк ни выплеснул вовне, у него всегда остается еще; исчерпать это бурлящее варево из планов, замыслов и прожектов, кажется, нет никакой возможности. В сочетании даже с небольшой одаренностью это нечто праздничное: находчивость сосед-

ствует с моментальной и точной наблюдательностью, непрерывные анекдоты и байки сыплются как из рога изобилия, на ваших глазах рождаются искрометные реплики и экспромты. Здесь можно было бы подумать даже о некоторой эксцентричности, если бы она не была столь естественной, ненатужной, нутряной, проистекающей от широты и цельности натуры.

Эти люди легко взбираются на самый верх общественной лестницы, но редко задерживаются там надолго—мешает природная живость характера. Однако падение их нисколько не обескураживает: циклотимный гипоманьяк готов все начать с нуля, благо энергии у него хоть отбавляй. Избыток жизненных сил позволяет ему падать и вновь подниматься бесчисленное множество раз. Сергей Довлатов блестяще описал такой психологический тип в одной из своих замечательных новелл. Борис (родной брат Довлатова) был патологически не способен к размеренному существованию. Весь его жизненный путь—это движение по причудливой синусоиде. Делая карьеру, он проявлял чудеса изобретательности, чтобы вска-

рабкаться на самый верх. Но как только он своего добивался (это происходило не раз и не два), ему делалось смертельно скучно. Он или влипал в какую-нибудь нелепую историю, или сознательно выкидывал очередной дикий фортель. Результат не заставлял себя долго ждать: он стремительно валился вниз, а очухавшись, все начинал сначала. Ситуация типа «упал—отжался». В упомянутом рассказе он в конце концов загремел на тюремные нары, но даже такой провал не смог выбить его из колеи. Борис великолепно обжился на зоне и даже сумел сделать неплохую карьеру по лагерным меркам. Едва ли не вся лагерная администрация ходила в его хороших приятелях. Довлатов, приехав к брату на свидание, был поражен его невозмутимостью. Мы полагаем, что этот очаровательный эпизод заслуживает воспроизведения.

Итак, в комнате свиданий пять человек: сам Довлатов, его многострадальный брат, их тетка, жена брата (Лиза) и их маленькая дочка...

«А брат все смотрел на меня. Потом сказал:— На тебе отвратительные брюки. И цвет какой-то

говнистый. Хочешь, я сосватаю тебе одного еврея? Тут в зоне один еврей шьет потрясающие брюки. Кстати, его фамилия—Портнов. Бывают же такие совпадения. . .

Я закричал:

— О чем ты говоришь?! Какое это имеет значение?!

— Не думай, — продолжал он, — это бесплатно. Я выдам деньги, ты купишь материал, а он сошьет брюки. . . Еврей говорит: «Задница—лицо человека!» А теперь посмотри на свою. . . Какие-то складки. . .

Мне показалось, что для рецидивиста он ведет себя слишком требовательно. . .

— Деньги? — насторожилась тетка. — Откуда? Я знаю, что в лагере деньги иметь не положено.

— Деньги как микробы, — сказал Борис, — они есть везде. Построим коммунизм—тогда все будет иначе.

— Погляди же на дочку, — взмолилась Лиза.

— Я видел, — сказал брат, — чудная девка. . .

— Как, — говорю, — у вас с питанием?

— Неважно. Правда, я в столовой не бываю.

Посылаем в гастроном кого-нибудь из сверхсрочников. . . Бывает—и купить-то нечего. После часу колбасы и яиц уже не достанешь. . . Да, загубил Никита сельское хозяйство. . . А было время—Европу кормили. . . Одна надежда—частный сектор. . . Реставрация нэпа. . .

– Потише, – сказала тетка.

Брат позвал дежурного сверхсрочника. Что-то сказал ему вполголоса. Тот начал оправдываться. К нам долетали лишь обрывки фраз.

– Ведь я же просил, – говорил мой брат.

– Я помню, – отвечал сверхсрочник, – не волнуйся. Толик вернется через десять минут.

– Но я же просил к двенадцати тридцати.

– Возможности не было.

– Дима, я обижусь.

– Боря, ты меня знаешь. Я такой человек: обещал—сделаю. . . Толик вернется буквально через пять минут. . .

– Но мы хотим выпить сейчас! Я спросил:

– В чем дело? Что такое? Брат ответил:

– Послал тут одного деятеля за водкой, и с концами. . . Какой-то бардак, а не воинское под-

разделение.

– Тебя посадят в карцер, – сказала Лиза.

– А в карцере что, не люди?!»

Но лучше всего циклотимный гипоманьяк ориентируется в ситуации неопределенной, когда ежеминутно требуется решать уравнения со многими неизвестными, когда открывается простор для инициативы, а правила игры меняются на ходу, когда нужно быстро принимать решения и стремительно переключаться с одного на другое, делать десяток дел сразу и все их держать в голове. Тогда ему нет равных, здесь он царь и бог. Создается впечатление, что колебания и сомнения ему неведомы, но это не совсем так: просто в силу своей психофизической организации он умеет замечательно с ними справляться, а кроме того, благодаря исключительной подвижности нервных процессов, недоступной простому смертному, успевает в единицу времени совершить максимальное число проб и ошибок и выбрать оптимальное решение.

Такие люди великолепные ораторы и мастера разговорного жанра, способные неограничен-

ное время удерживать внимание многотысячных аудиторий. Магнетическим воздействием своей личности они могут увлекать за собой массы, но все-таки настоящих вождей из них, как правило, не получается: это немыслимо без истовости и фанатизма, которые являются необходимой составной частью эпитимного радикала. Вот там бушуют уже поистине ураганные страсти, и едва ли не все великие деятели—Цезарь, Магомет, Лютер, Пётр Великий, Наполеон—эпилептики.

Но циклотимный гипоманьяк тоже не лыком шит. Мировая история пестрит именами таких людей. Пожалуй, первый, кто приходит на ум, — это Дюма-отец, гигантский толстяк-сатир, написавший десятки томов приключенческой прозы. Люди подобного типа всегда живут шумно и широко. Если волею судьбы им суждено оказаться в больших начальниках, то возглавляемое ими учреждение начинает пухнуть, как на дрожжах: раздуваются штаты, выбиваются новые ставки, как грибы растут новые корпуса, следуют друг за другом непрерывной чередой симпозиумы, конференции и коллоквиумы, при этом содержатель-

ная часть такой кипучей деятельности нередко отходит на второй план. На низких уровнях эта публика тоже весьма заметна—ловкие авантюристы, деляги, хитроумные политиканы и обаятельнейшие подлецы. Все великосветские проходимцы—от Казановы и Сен-Жермена до Калиостро—безусловно, из их числа.

Ну а как же обстоит дело с пресловутым скелетом в шкафу? Тут, что называется, как карта ляжет. Многие из таких субъектов могут на подъеме прожить всю свою жизнь и благополучно скончаться на руках родных и близких. Если же депрессия все-таки случается, то это почти катастрофа. Депрессия у гипоманьяка, коль скоро суждено ей развиваться, протекает, как правило, исключительно тяжело, вплоть до так называемого меланхолического неистовства, когда больной наносит себе тяжелейшие физические травмы, чтобы только заглушить невыносимые душевные страдания.

ШИЗО

Настало время обратить внимание на другой фланг кречмеровской шкалы, где расположи-

лись шизотимик с шизоидом. Тут вместо лоснящейся циклоидной лысины появляется шизотимная, словно выеденная мышами. Но еще типичнее пышная шевелюра при сухом лице аскета и астеническом телосложении. Чеканный профиль и острые скулы, худощавость, удлиненные пропорции и тонкие музыкальные пальцы... Причудливая ломкая пластика и неадекватная мимика. Ни дать ни взять Ида Рубинштейн с картины Валентина Серова, перекрученная вокруг собственной оси, с неизгладимой печатью декаданса на бледном лице.

Мы сейчас коротко описали «ядерный», как говорят психиатры, вариант шизотимной конституции. Живая жизнь, как водится, много сложнее. Чистые типы вообще встречаются нечасто. В клинике вы найдете, кроме типичных астеников, и атлетов, и всевозможных диспластичных (неладно скроен, но крепко сшит, говорят в народе), и даже пикников, только каких-то не таких. Что поделаешь—шизофрения многолика, велик и разброс среди шизофренических типов.

Почти в любом учебнике можно прочитать

примерно следующее. Шизоиды живут преимущественно событиями внутренней жизни, а их эмоции колеблются между полюсами эмоциональной сензитивности и тупости (нечувствительности). Первые отличаются повышенной ранимостью, сентиментальностью, обидчивостью, тонкостью чувств, мимозоподобностью натуры. Они непроизвольно отталкиваются от грубой житейской прозы, уходя в мир внутренних переживаний. Вторые, тяготеющие к полюсу эмоциональной нечувствительности, отличаются холодностью, неприступностью, сдержанностью, равнодушием. При этом характерная черта любого шизоида—*аутизм* (погруженность в себя). Причины их необщительности различны—от робости и тревоги до подчеркнутой холодности и активного неприятия других.

Казалось бы, не поспоришь, но вышеприведенная выжимка далеко не исчерпывает богатейшую палитру шизотимических типов и вдобавок грешит изрядным упрощенчеством. Все верно: среди шизоидов попадаются и мимозоподобные, и эмоционально тупые. Но есть, скажем,

тип, получивший название «плотоядного» (он замечательно представлен на полотнах мастеров Ренессанса), – энергичный, остроумный, язвительный, повышенно эротичный, с острым индуктивным умом. Владимир Леви пишет о нем так: «Может дать внезапный, буйный психоз, но опасность шизофренического распада ничтожна, очень сильный тип». Попробуйте найти здесь хотя бы тень мимозоподобности или эмоциональной холодности! А хрестоматийная сладкая парочка, кочующая из учебника в учебник? Дон Кихот и Санчо Панса—классический шизоид в сопровождении не менее классического циклоида. Никто никогда не сомневался, что рыцарь Печального Образа проходит по ведомству акцентуаций шизоидного круга (как минимум), но где же здесь пресловутая мимозоподобность? Это идеалист до мозга костей, готовый жизнь положить за други своя, непреклонный боец, разящий все окружающее во имя торжества неких абстрактных принципов, падающий и поднимающийся вновь. Да, эти принципы часто нелепы и невразумительны, даже смешны, но кто упрек-

нет нашего героя в холодности и равнодушии? Нет, что-то здесь не так.

Кстати говоря, необщительность шизоидов, ставшая притчей во языцех, тоже не более чем миф. Никто не собирается ломиться в открытую дверь: некоторый аутистический «рудимент» в их поведении, безусловно, имеет место, особенно по сравнению с классическими циклотимиками. Но дело заключается все-таки не в наличии или отсутствии коммуникабельности как таковой, а в качестве этого процесса. Задушевной циклотимической непринужденности, когда беседа катится как по маслу, а партнер понимает вас с полуслова, от шизоида вы не добьетесь никогда. Некоторая отчужденность и дистанция остаются всегда, даже если с обеих сторон прилагаются самые искренние усилия. Если же шизотимик стремится преодолеть свою замкнутость во что бы то ни стало, то получается неуклюжее самораздевание, только усиливающее неловкость. Естественности нет и в помине. Эрнст Кречмер сказал очень точно: «Обычный человек чувствует вместе с циклотимиком и против шизотимика».

Пожалуй, только одно качество роднит всех шизотимиков: очевидное тяготение к теоретическим построениям, абстрактным схемам и заковыристым классификациям в ущерб эмпирике и конкретике. Этим, к сожалению, зачастую грешат даже глубокие умы. Как известно, Георг Гегель в ответ на упрек, что некоторые положения его всеобъемлющей философской концепции не соответствуют фактам, ответил: «Тем хуже для фактов».

Итак, каков все-таки портрет типичного шизоида? Они обыкновенно импонируют—как люди странные и непонятные, от которых не знаешь, чего ждать. Их мимика либо бедна, либо преувеличена до гримас. Пластика или предельно вычурна и манерна, или назойливо стереотипна, или, наконец, просто скудна до крайности. Общей чертой моторики шизоидов можно считать отсутствие гармоничности, естественности и эластичности. Нет и удивительной двигательной одаренности синтонного пикника. Походка стремительная, летящая, с какими-то нелепыми вывертами и подскоками либо, наоборот, скованная

и несколько неуклюжая. Встречаются среди них люди, поражающие почти военной выправкой (но при этом никогда не бывшие на военной службе),двигающиеся наподобие деревянных кукол, («...я заметил, что он не размахивал руками—верный признак некоторой скрытности характера». Так М. Ю. Лермонтов устами своего героя описывает походку Печорина, который является безусловным alter ego [1] автора, типичного, кстати сказать, шизоида.)

Речь шизоидов или подчеркнуто модулированная, скандированная, по типу чтения вслух «с выражением», или, наоборот, невнятная, бормочущая, переходящая в лихорадочную скороговорку. Так читал свои стихи поэт-футурист Велимир Хлебников (по воспоминаниям современников): начинал бодро и размеренно, затем скатывался в невнятное бормотание, а потом вдруг неожиданно обрывал себя на середине строки и со словами «ну и так далее» сходил со сцены. У других в построении речи преобладают напыщенность, патетичность и витиеватость.

Почерк шизоидов представляет богатый ма-

териал для изучения. Он либо чрезвычайно отчетливый, с отдельно стоящими аккуратными буквами, либо нарочито причудливый, с особым наклоном букв и всевозможными завитками, либо неряшливый, стелющийся, неуверенно-детский. Очень часто встречаются зубчатые острые линии. Шизоидный почерк был у Лермонтова, Ницше, Скрябина, Суворова.

В работе шизоиды редко следуют чужим указаниям, упрямо делая все так, как им нравится, руководствуясь иной раз чрезвычайно темными и малопонятными соображениями. Некоторые из них вообще оказываются неспособными к профессиональной деятельности, особенно к службе под чужим началом. Могут немотивированно отказаться от выполнения задания, часто меняют место работы без достаточных на то оснований и т. д. Все это страшно мешает их карьере. Чудаки и эксцентрики, они могут решительно разорвать последние нити, связывающие их с обществом, и податься, например, в бродяги. Среди последних всегда присутствует некоторое количество шизоидов, которые выбрали этот путь из-за неумения

и нежелания втиснуть свою оригинальную и не выдерживающую подчинения личность в узкие рамки культурной жизни. С другой стороны, надо иметь в виду, что при наличии художественной или интеллектуальной одаренности шизоиды способны к чрезвычайно большим достижениям, особенно ценным благодаря их независимости и оригинальности.

Владимир Леви, описывая своего приятеля студенческих лет, ставшего впоследствии известным иммунологом, дал очень выразительный портрет классического, честного шизоида. «Уже тогда я еще безотчетно, но безошибочно ощутил, что ты эмоционально—иностранец и всегда им останешься. Это ощущаю не я один, а все в той мере, в какой они сами туземцы, и ты это знаешь. Какое-то время я был твоим гидом-переводчиком, и, видимо, неплохим, раз я все еще тебе нужен.

Самую захудалую столовую твое появление превращает в таверну; сигарета в твоей руке приобретает всю возможную романтическую нелепость». И далее: «Своеобразием своих манер ты

производишь впечатление неотразимо психопатическое. Между тем ты один из самых душевно здоровых людей, которых я знаю».

Кречмер, набрасывая широкими мазками палитру шизотимических типов, выделил три их разновидности:

повышенно чувствительных (сензитивный тип);

чрезмерно активных, настойчивых, склонных к образованию сверхценных идей (экспансивный тип);

пассивных бездеятельных созерцателей (вялый тип).

Мы не будем подробно разбирать кречмеровскую типологию, а скажем только, что почти всем шизоидам свойственны известная холодность, отчужденность и некоторая замкнутость, своеобразная отгороженность от окружающих. С таким человеком можно прожить бок о бок не один десяток лет, так толком его и не узнав. Главная общая их черта—эмоциональная сухость, сочетающаяся с парадоксальностью мышления, эмоций и представлений.

Диапазон шизоидных характеров очень широк. Мы найдем тут ледяных аристократов с утонченными манерами и низкими страстями, патетических идеалистов не от мира сего и холодных, властных трибунов, неумолимо идущих к введомой им одним цели буквально по головам. А рядом, в несомненной генетической близости, обнаружатся никчемные бездельники, взрывчатые, возбудимые, вспыхивающие, как порох, эмоционально тупые. Здесь же окажутся субъекты с паранойяльным складом личности (паранойя переводится как «околоумие») — жуткие склочники и сутяги, всегда взвинченные, ни с кем и нигде не уживающиеся, находящиеся в состоянии перманентной борьбы со всем миром и «могущие покрыть своими письмами и заявлениями всю поверхность земного шара» (В. Леви).

При наличии высокой интеллектуальной одаренности это небожители и аристократы духа (Ньютон, Кант, Спиноза, Тейяр де Шарден), творцы высоких абстракций и изысканных парадоксов, в разреженном воздухе которых трудно дышать обычному человеку. Великие реформа-

торы и революционеры, готовые во имя торжества своих идей, всегда однозначно понятых, перерезать глотку всему человечеству, тоже очень часто из их числа. Все почти непреклонные фанатики от религии и политики—Кальвин, Робеспьер, Ленин, Троцкий—подпадают под эту категорию. В скобках заметим, что с вождем мирового пролетариата все обстоит не так просто: ленинская взрывчатость и брутальность позволяют заподозрить в нем скорее эпилептоида, но шизо-радикал здесь, несомненно, тоже присутствует.

О содержании шизоидной психики вообще говорить очень трудно, так как поведение шизоидов не дает о нем, как правило, никакого представления. Здесь как никогда уместно высказывание Кречмера о том, что «многие шизоиды подобны лишенным украшений римским домам, виллам, ставни которых закрыты от яркого солнца, но в сумерках их внутренних покоев справляются пиры». Это тем более справедливо, что даже в том случае, когда вы имеете дело со сравнительно примитивной натурой, лишенной высоких интеллектуальных порывов, вы все равно мо-

ментально натыкаетесь на некую неистребимую грань, разделяющую личность надвое. Поверхность и глубина, очевидное и подтекст... Кажется бы, никаких подземных источников нет и в помине, а вот на тебе: за кадром упорно остается нечто неуловимое, прячущееся от яркого света. Возможно, все дело в особенностях глубинной организации психики. Циклотимик в каждый отдельно взятый момент занят чем-то одним, вполне определенным (это было показано в психологических исследованиях). Его внимание хорошо распределяется во времени, но с трудом — в пространстве. Шизотимик же, напротив, легко растекается мыслию по древу: одновременно читает и слушает, поддерживает беседу, а думает при этом о своем. Со стороны это выглядит как отрешенность.

Очень важно помнить, что большинство шизоидов крайне своеобразно приспособляются к действительности. Мир для них предстает отраженным в кривом зеркале: отдельные части они видят отчетливо, но вот пропорции между этими частями искажены до неузнаваемости. Особен-

но трудно им проникнуть в душевный мир других людей; как раз тут проходит, если можно так выразиться, фундаментальный водораздел между особенностями циклоидной и шизоидной психики. То, что у циклотимика получается само собой, требует от шизоида поистине титанических усилий. Чужие переживания для него—тайна за семью печатями. Кречмер назвал эту их специфическую особенность «аффективным резонансом». У шизоидов часто можно обнаружить тонкое эстетическое чувство, большой пафос и способность к самопожертвованию в вопросах принципиальных и общечеловеческих, но понять горе и радость реальных людей, даже своих близких, им труднее всего. Все их душевные движения, даже самые элементарные, протекают по крайне запутанным и извилистым путям, образуют чрезвычайно причудливые ассоциативные сочетания, подвергаясь совершенно непонятным, на первый взгляд, извращениям.

Под стать эмоциональной дисгармонии и течение интеллектуальных процессов. Если мышление циклотимика конкретно и пластически об-

разно, то у шизотимика преобладают схемы, абстракции и символика. Налицо полное торжество общих принципов. Упрямые факты не лезут в умозрительную схему? Что ж, они будут либо проигнорированы, либо втиснуты туда с кровью, как в прокрустово ложе, невзирая ни на что. Несогласие с очевидностью редко смущает шизоида, и он безо всяких колебаний назовет черное белым, когда этого потребуют его формальные построения. Особенно следует подчеркнуть стремление к сближению далековатых понятий, которые в действительности ничего общего между собой не имеют. Этот своеобразный дефект логического чувства нередко приводит к тому, что мысль шизоида движется к цели необыкновенно извилистым путем, через пень-колоду по принципу «левой рукой—правое ухо».

Если же учесть тот факт, что шизоиды, как правило, мало внушаемы и даже более того—упрямы и негативистичны, то мы сможем легко ответить на сакраментальный вопрос, почему среди выдающихся ученых, особенно в сфере точных наук, так много людей с отчетливым преобладанием шизорадикала. Творчество выдающихся ученых—глубокомысленных метафизиков, систематиков, гениальных революционеров в науке, опрокидывающих замшелые парадигмы, — почти обязательно несет на себе печать некоего благородного безумия. Тут можно вспомнить известное высказывание Нильса Бора по поводу гипотезы, представленной на суд уважаемого синклита, что теория эта, разумеется, безумна, но весь вопрос в том, достаточно ли она безумна для того, чтобы быть истинной.

Обычный человек, в меру социализованный и критичный, склонен сомневаться в достоверности полученных им результатов, особенно если они принципиально расходятся с общепринятыми представлениями. Слишком велико давление среды, особенно важно мнение коллег. Ши-

зоида такие пустяки не трогают. Будучи человеком «кривой логики», а также в силу полнейшего равнодушия к мнению окружающих (он всегда знает, как надо) и благодаря своей уникальной способности к неожиданным сопоставлениям несопоставимых вещей, он легко идет ва-банк, с бестрепетной отвагой преображая (иногда до неузнаваемости) лицо той дисциплины, в которой работает. Излишне говорить, что одних только шизоидных черт характера для такого подвига недостаточно. А вот если к железобетонной уверенности в собственной правоте присоединяются оригинальный талант и высокий профессионализм, то образовавшаяся в результате гремучая смесь творит чудеса, создавая подлинных революционеров в любых областях знания.

А всегда ли так плоха пресловутая кривая логика? Некоторый процент чудаков просто необходим. И слава богу, что живут на свете люди, хронически не умеющие мыслить стереотипно, потому что без этого необходимого витамина (о фундаментальной науке мы даже не говорим) невозможно себе представить, напри-

мер, сколько-нибудь серьезной поэтической оригинальности. Между прочим, люди с так называемым дефектом логического чувства хороши еще и тем, что им можно беспрепятственно вывалить любую галиматью, не успевшую отлиться во что-то удобоваримое. Они (и только они) вас как раз поймут и оценят, потому что вообще замечательно понимают все неясное.

Кстати говоря, было бы весьма любопытно проследить соотношение радикалов «шизо» и «цикло» в искусстве. Кречмер, например, полагал, что полнокровная реалистическая проза—это безусловная вотчина циклотимиков (Бальзак, Золя, Рабле), а моральное проповедничество—удел шизотимиков *par excellence* [2] (Шиллер, Руссо). Здесь нужно быть вдвойне осторожным, потому что столь тонкие материи, зыбкие и неоднозначные, оставляют широчайший простор для разного рода субъективных истолкований. Но кое-что тем не менее брезжит: утонченные эстеты, озабоченные в основном формальной стороной дела и стилистическими изысками (достаточно назвать Чюрле-

ниса или Дали), тяготеют все-таки преимущественно к шизотимному полюсу.

Сказанное, конечно, не означает, что можно ставить знак равенства между одаренностью и тем или иным типом характера. Собственно, об этом мы уже говорили. Характерологические особенности могут в лучшем случае ускорить (или, наоборот, затормозить) развертывание творческих потенций индивида. Еще Кречмер отмечал, что психопатия—не входной билет на Олимп наук и искусств, что имеются высокоинтеллектуальные и слабоумные психопаты, так же как и высокоинтеллектуальные и малоодаренные обычные люди. Проиллюстрируем эту нехитрую максиму двумя примерами.

Первый случай был описан чешским психиатром Стухликом. В течение нескольких лет он наблюдал талантливого математика, заболевшего шизофренией. По словам больного, много лет назад, когда он был совсем молодым человеком, на окраине деревни, где он тогда жил, потерпел аварию летательный аппарат неизвестного типа. Весь экипаж погиб, а в живых осталась только

одна девушка, которая впоследствии стала женой больного. От нее он узнал, что это был космический корабль, прилетевший с планеты Астрон. С тех пор жизнь больного решительно переменялась. Он приступил к составлению словарей и грамматик основных языков, распространенных на мифической планете. Он рисовал географические карты, готовил пространные сводки и толстенные справочники, касающиеся народонаселения далекой планеты, ее экономической и политической жизни. Дошло до того, что больной составил даже расписание поездов на одной из крупнейших железнодорожных станций Астрона. Наиболее полно был разработан язык исхи (выдуманный, разумеется, самим больным). Грамматика этого языка оказалась настолько подробной и пригодной к практическому использованию, а словарный состав—столь обширным, что больной без труда разговаривал на языке исхи и даже написал на нем несколько повестей и романов. Другие языки находились в стадии разработки. Профессиональные лингвисты, приглашенные в качестве экспертов, оценили работу,

проделанную больным, очень высоко. Они в один голос заявили, что такой труд свидетельствует не только о незаурядном даровании автора, но и о его блестящей профессиональной подготовке в сфере прикладной и теоретической лингвистики. Свою выписку из истории болезни Стухлик закончил так: «Больной заявляет, что создаст столько языков, сколько захочет. . . »

Теперь случай номер два, свидетелем которого был автор этих строк в студенческие годы. В Пермской областной психиатрической больнице находился в то время один пожилой шизофреник (он был родом из деревни и имел четыре класса образования, а отрекомендовался в начале беседы специалистом по нефти и хлебу). Согласно его оригинальной концепции, кровь людей и животных, скопившаяся в подпочвенных пустотах, после ряда сложных метаморфоз превращается в нефть. Каким-то хитроумным способом, в духе «кривой логики» шизофреника (сейчас уже трудно вспомнить детали), вся эта петрушка увязывалась с урожаем зерновых.

Резюме: несмотря на несопоставимый уро-

вень в плане общего образования и профессиональной подготовки, герои этих двух историй почти что близнецы-братья. И в том и в другом случае мы видим родовые черты шизофренического способа мышления: формирование сверхценной идеи, парадоксальная логика «шиворот-навыорот», тяготение к абстрактным схемам в ущерб деталям, не критичность и негативизм.

А как дело обстоит с тем, что у добродетели нос острый, а у юмора—толстый? (Помните игривый кречмеровский пассаж, которым мы начали предыдущую главу?) Другими словами, как быть с чувством юмора, которое, вне всякого сомнения, является одной из важнейших характеристик личности? Казалось бы, жизнерадостный циклоид должен в этом вопросе дать сто очков вперед сухарю шизотимику. С одной стороны, убийственно серьезные люди, так называемые агеласты (как, кстати говоря, и ипохондрики, что часто совпадает), тяготеют преимущественно к шизотимному полюсу. Но при более пристальном взгляде на проблему такая удобная и логичная схема немедленно рассыпается в пыль. Конеч-

но, если речь идет о юморе сочном, полнокровном, земном, о торжестве материально-телесного (вспомним хотя бы Франсуа Рабле!), то это родовая вотчина циклотимика. А вот тончайшую иронию, парадоксальное остроумие, ядовитую сатиру, уничтожающую язвительность мы в избытке обнаружим у классических шизоидов. За примерами далеко ходить не надо—тут и Гоголь, и Свифт, и Бернард Шоу. Что поделаешь, каждому свое. . .

А вот меньше всего юмора вроде бы у эпитимиков, хотя и здесь я бы не стал спешить с выводами. (Можно вспомнить Наполеона Бонапарта, как-то сказавшего актеру-трагику Тальма, у которого он в молодости брал уроки: «Я, конечно, наиболее трагическое лицо нашего времени».)

Кречмеровская дихотомия в свое время произвела эффект разорвавшейся бомбы и была моментально подхвачена многочисленными последователями. Работы сыпались как из рога изобилия. Выдающийся отечественный психиатр Пётр Борисович Ганнушкин (1875—1933) нашел подход Кречмера плодотворным и замет-

но расширил его типологию. Вдобавок кречмеровская классификация характеров пересекалась в ряде пунктов с учением Ганнушкина о пограничной психиатрии, которое он в ту пору усиленно развивал. Были дополнительно описаны эпилептоиды, психастеники, группа истерических характеров и еще несколько типов.

Не обошлось, разумеется, и без критики, в которой было много как справедливого, так и несправедливого. Больше всего Кречмера упрекали за то, что он двигался по направлению от патологии к норме. Что, теперь едва ли не каждого нужно считать потенциальным шизофреником или эпилептиком? Почему для описания характера здорового человека столь обильно привлекается психопатологический материал? С другой стороны, и классическая четырехчленная классификация темпераментов, восходящая к Гиппократу и Галену, и многочисленные типизации характеров по другим критериям (и павловская схема, о которой мы писали выше, в том числе)—далеки от совершенства. Ну и кому же удалось до конца объяснить человека со всеми его потроха-

ми?

Не в меру ретивым критикам, которые бьют Кречмера и его последователей за то, что они якобы переусердствовали по части психопатологии, можно многое возразить. В самом деле: когда говорят о «нормальной личности» или «нормальном характере», то невольно впадают в некоторое противоречие, поскольку само слово «личность» подчеркивает индивидуальное, особенное, противоположное норме или середине. Решительно то же самое относится и к характеру. Когда говорят о наличии у кого-то того или иного характера, то тем самым неизбежно указывают на известную однобокость его психической организации, дают понять о присутствии в его психике некоторой дисгармонии. В переводе с греческого слово «характер» означает «черта, особенность». Характер—это как раз именно то, что отличает одного человека от другого, поэтому наличие каких-то преобладающих черт характера уже само по себе говорит об отсутствии равновесия во взаимоотношении отдельных сторон душевной деятельности. Ведь если бы мы

имели под наблюдением человека с идеально-нормальной психикой (что, конечно, абсолютная утопия), то вряд ли можно было бы говорить о наличии у него того или иного характера, потому что в его душевной организации нет ни единой черточки, выделяющей его из общего ряда. Вот как пишет об этом Ганнушкин: «Ясно, что изучение характеров может быть плодотворным только в том случае, если оно выйдет из узких рамок нормальной психологии и будет руководствоваться данными, кроме того, патопсихологии. Все это совершенно ясно уже a priori [3], но то же самое становится совершенно определенным и незыблемым из данных опыта. Если взять любое описание характеров или темпераментов, хотя бы то, которое сделано знаменитым Кантом (имеется в виду «Антропология» Иммануила Канта. – Л. Ш.), если вдуматься и вчитаться в это описание, если сопоставить его с нашим клиническим опытом, то нужно будет прийти к совершенно определенному выводу, что описание так называемых нормальных темпераментов до мелочей совпадает с описанием психопатических лично-

стей, взятым из клинической психиатрии; можно сказать даже больше, что правильное понимание этих типов, этих темпераментов сделалось возможным только с тех пор, когда в основу этого понимания была положена психиатрическая точка зрения».

Мы не имеем здесь намерения подробно разбирать расширенную типологию Кречмера, поэтому в заключение коротко остановимся только на одной группе—эпилептоидах. Уже из самого термина видно, что эпилептоид находится в таком же отношении к эпилепсии, как шизоид к шизофрении. Попросту говоря, *эпилептоид*—значит похожий на эпилептика. «С крестом на шее, с Евангелием в руке и камнем за пазухой»—так охарактеризовал этот тип классик немецкой психиатрии Эмиль Крепелин. Это высказывание часто вспоминают, когда очерчивают эпитимный характер—сочетание brutality, угодливости, педантичности и вязкости.

В описаниях старых психиатров исчерпывающе представлен омерзительный облик эпитимика: чрезвычайно жестокий, лживый, вспыльчи-

вый, льстивый, обуреваемый страстями и непреклонный в достижении своей цели, сладострастный ханжа и ревнивец, но при этом педант, патологически обстоятельный, прилипчивый и вязкий. Очень неприятный и тяжелый человек. Достоевский нарисовал целую галерею таких типов—достаточно сравнить Ставрогина, Смердякова и Федора Карамазова. Достоевский был не только гениальным психопатологом, но и сам, как известно, страдал эпилепсией, поэтому у него так все убедительно получилось. Владимир Леви абсолютно прав: «Разумеется, нельзя понять Достоевского через одну эпилепсию, но неистовое дыхание “священной болезни” слышится в каждой его строчке. . . »

Классический портрет эпилептоида—это образ Порфирия Владимировича Головлева (по прозвищу Иудушка) у Салтыкова-Щедрина. Говорят, что великий русский сатирик писал с натуры, имея в виду своего родного брата, тяжелого эпилептика. Получился идеальный тип, хоть сейчас в учебник: и вязкость, и обстоятельность, и слащавость, и шутки-прибаутки, и бесконечные

литоты—все тут как тут. Позволим себе небольшую цитату:

«—Метель-то, видно, взаправду взялась, — замечает Арина Петровна (мать Иудушки Головлева. — *Л. III.*), — визжит да повизгивает!

— Ну и пущай повизгивает. Она повизгивает, а мы здесь чаек попиваем—так-то, друг мой маменька! — отзывается Порфирий Владимирыч.

— Ах, нехорошо теперь в поле, коли кого этакая милость Божья застанет!

— Кому нехорошо, а нам горюшка мало. Кому темненько да холодненько, а нам и светлехонько, и теплехонько. Сидим да чаек попиваем. И с сахарцем, и со сливочками, и с лимончиком. А захотим с ромцом, и с ромцом будем пить.

— Да, коли ежели теперича. . .

— Позвольте, маменька. Я говорю: теперича в поле очень нехорошо. Ни дороги, ни тропочки—все замело. Опять же волки. А у нас здесь светленько, и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидим мы здесь да посиживаем, ладком да мирком. В карточки захотелось поиграть—в карточки поиграем, чайку захотелось попить—чайку попьем.

Сверх нужды пить не станем, а сколько нужно, столько и выпьем. А отчего это так? Оттого, милый друг маменька, что милость Божья не оставляет нас. Кабы не он, царь небесный, может, и мы бы теперь в поле плутали, и было бы нам и темненько, и холодненько. . . В зипунишичке каком-нибудь, кушачок плохонькой, лаптишечки. . . »

Эти люди упрямы, вспыльчивы, нетерпимы к мнению окружающих. Их аффективная установка почти всегда имеет несколько неприятный, окрашенный плохо скрываемой злобностью оттенок, на фоне которого время от времени по ничтожному поводу развиваются бурные вспышки неудержимого гнева, нередко ведущие к опасным насильственным действиям. В семейной жизни это несносные тираны, устраивающие скандалы по пустякам и постоянно делающие домашним всевозможные замечания. Необыкновенная пунктуальность эпитимика проистекает из его категорической убежденности, что все нужно делать именно так, а никак не иначе. Это люди чрезвычайно активные, сверхсоциабельные, идущие к цели напролом, во все вмешивающиеся и всюду

ищущие конкретных виновников. Они склонны к образованию сверхценных идей, необыкновенно последовательны, в своей правоте не сомневаются никогда. Такого человека можно остановить только выстрелом из ружья. В плане соматической конституции значительная часть эпилептоидов отличается своеобразным атлетически-диспластическим телосложением. При наличии интеллектуальной одаренности эпитимик способен достичь очень больших высот. Неукротимая, бьющая через край энергия в сочетании с невероятным упорством в достижении своей цели позволяет таким людям буквально сворачивать горы.

Среди выдающихся исторических деятелей немало людей этого типа—Александр Македонский, Цезарь, Магомет, Пётр Великий, Наполеон.

На этом мы оставляем Кречмера в покое и переходим к другим типологиям, авторы которых стремились (при построении собственных схем) по возможности избавиться от угнетающей связи с клиникой.

ПОСЛЕ КРЕЧМЕРА

Личностный подход к типологии характеров разработал швейцарский психолог и психиатр **Карл Густав Юнг** (1875—1961), знаменитый ученик З. Фрейда, рано рассорившийся с учителем. Он развивал традиционное представление о структуре характера как о преобладании эмоциональных, интеллектуальных и волевых функций и создал учение о типах направленности личности. В своей книге «Психологические типы» он впервые заговорил об экстравертах и интровертах (*экстраверт* буквально означает обращенный вовне, а *интроверт*—обращенный внутрь). Экстраверсия или интроверсия, по Юнгу, – это своего рода базовая энергетическая характери-

стика личности. Подытоживая сказанное в этой главе, заметим: в настоящее время можно считать надежно доказанным, что темперамент— это врожденная и генетически наследуемая часть личности.

ФИЗИОГНОМИКА И ПРОЧЕЕ

Наверное, нам удалось достаточно убедительно показать, что психологический склад личности имеет самое непосредственное отношение к внешнему облику, то есть к соматической конституции. Интуитивно эта связь между психикой и физикой была угадана еще в незапамятные времена. Начало практической характерологии тонет во тьме веков. Гай Юлий Цезарь тоже не чурался физиогномии. Предвосхищая позднейшие построения позитивистской науки XX века, он (если верить Шекспиру) не особенно привечал Кассия, своего будущего убийцу:

Хочу я видеть в свите только тучных,
Прилизанных и крепко спящих ночью.

А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.

Он много думает, такой опасен.

(У. Шекспир.)

Альберт фон Больштедт, средневековый схоласт, искушенный в каббале и алхимии и прозванный за свою всеобъемлющую эрудицию Великим, тоже отдал дань науке распознавания людей по их внешности. Мы не станем утомлять читателя бесчисленными извлечениями и приведем только две цитаты: Но когда читаешь, что закрытое «о» будто бы свидетельствует о замкнутости, а открытое—о доверчивости и деликатности, остается только развести руками. Когда Зуев-Инсаров (знаменитый русский графолог) пишет, что чрезмерно длинные хищные петли на буквах «у», «р» и «д» свидетельствуют о нелогичности мышления, это не лезет ни в какие ворота. Скажем еще раз: по почерку можно определить эмоциональное состояние пишущего и некоторые, самые общие особенности его психофизиологии, но не более того. О тонком анализе характерологических особенностей здесь речи идти не может.

ТЕМПЕРАМЕНТ И ХАРАКТЕР

В первой главе мы намеренно не давали строгих дефиниций характера и темперамента, потому что соотношение двух этих составляющих психофизиологического облика человека— во многом вопрос не до конца проясненный. Взаимоотношения человека с другими людьми выступают определяющими в отношении к деятельности, порождая повышенную активность, напряжение, рационализаторство или, напротив, успокоенность, безынициативность. Отношение к другим людям и к деятельности, в свою очередь, обуславливает отношение человека к собственной личности. Оценочное отношение к другому человеку является основным условием самооцен-

ки. Отсюда следует, что отношение к другим людям не только выступает важной частью характера, но и составляет основу формирования самосознания личности, обязательно включая и отношение к себе как деятелю, зависящее прежде всего от самой формы деятельности. При изменении деятельности не только меняются предмет, методы и операции этой деятельности, но происходит вместе с тем и перестройка отношения к себе как деятелю.

Несмотря на то что характер относят к индивидуальным особенностям личности, в структуре характера можно выделить черты, общие для определенной группы людей. Даже у самого оригинального человека можно найти какую-то черту (например, необычность, непредсказуемость поведения), обладание которой позволяет отнести его к группе людей с аналогичным поведением. В данном случае следует говорить о типическом в чертах характера. Н. Д. Левитов считает, что *тип характера*—это конкретное выражение в индивидуальном характере черт, общих для некоторой группы людей. Действительно, как уже отмечалось, характер не является полностью врожденным, он формируется на протяжении жизни и в ходе деятельности человека как представителя определенной группы и определенного социума. Поэтому характер человека—это всегда в значительной степени общественный продукт, чем и объясняются сходства и различия в характерах людей, принадлежащих к различным социальным группам.

В индивидуальном характере отражаются

многообразные типические черты— национальные, профессиональные и возрастные. Так, люди одной этнической принадлежности испытывают на себе воздействие специфических особенностей национальной культуры, быта и языка. Поэтому люди одной национальности по образу жизни, привычкам, нравам, характеру могут заметно отличаться от людей другой национальности. Эти типические черты нередко фиксируются обыденным сознанием в различных установках и стереотипах. У большинства людей есть стандартный образ представителя той или иной национальности: американца, шотландца, итальянца, немца, китайца и т. д. Типические черты при желании можно без труда разглядеть в самых различных группах. Сравнительно несложно описать типичный характер учителя, врача или военного, но в то же время следует иметь в виду, что каждый типический характер имеет свои индивидуальные черты. К примеру, в мировой литературе существует много образов скупцов (Плюшкин, Гобсек, Скупой рыцарь и т. д.), но при этом каждый из них—индивидуальность.

Несмотря на устойчивость, тип характера обладает определенной пластичностью. Под влиянием жизненных обстоятельств, воспитания, требований общества тип характера изменяется и развивается. Достаточно проследить динамику развития характера человека, посвятившего себя педагогической деятельности. Последовательно проходя этапы профессионального роста (студент на педагогической практике, молодой учитель, опытный педагог, завуч, директор), он какие-то черты характера теряет, приобретая одновременно новые, свойственные следующей возрастной или профессиональной группе.

Универсальной классификации характеров пока еще никому создать не удалось. Основания для типизации, как правило, вводятся исследователем или заинтересованным лицом, для того чтобы в соответствии с имеющейся задачей разделить людей на группы по преобладающим качествам. Так, сходные характеры могут наблюдаться у людей, имеющих доминирующие волевые или эмоциональные качества. Соответственно делят характеры на типы: волевой (ак-

тивный, целеустремленный, деятельный); эмоциональный (действующий под влиянием порыва, переживаний); рассудочный (оценивающий все с точки зрения разума).

Карл Густав Юнг предложил классифицировать характеры в зависимости от принадлежности к экстравертированному или интровертированному типу. Первый тип характеризуется преимущественной ориентацией личности на окружающий мир, объекты которого, подобно магниту, притягивают к себе интересы и жизненную энергию субъекта, что в известном смысле ведет к принижению личностной значимости явлений его субъективного мира. Экстравертам свойственны: импульсивность, инициативность, гибкость поведения, общительность. Для интровертов характерны: сосредоточивание на явлениях собственного внутреннего мира (которым они придают высшую ценность), необщительность, замкнутость, склонность к самоанализу, затрудненная адаптация. Существуют также классификации, выделяющие конформный и самостоятельный, доминирующий и подчиняющийся, нор-

мативный и анархический типы и пр.

Помимо того что число черт характера чрезвычайно велико (так, в словаре русского языка С. И. Ожегова их около полутора тысяч), каждая из характерологических черт имеет разную количественную степень выраженности. Каждый человек честен, откровенен, весел, самолюбив, щедр и т. д., но мера честности, откровенности, веселости, самолюбия, щедрости у каждого своя. Например, даже когда говорят о щедрости человека, за этим могут стоять в самом простом варианте следующие градации: не очень щедрый; щедрый, но не очень; щедрый и очень щедрый и т. д.

Чрезмерную выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющую крайние варианты нормы, называют *акцентуацией характера*. Практически акцентуация—это предельная величина, крайний вариант проявления нормы. Акцентуированным характерам свойственна повышенная уязвимость лишь к определенному роду психотравмирующим воздействиям, адресованным к так называемому «месту

наименьшего сопротивления» данного типа характера при сохранении устойчивости к другим. Это слабое звено в характере человека проявляется только в ситуациях, предъявляющих повышенные требования к функционированию именно этого звена. Во всех других случаях, не затрагивающих уязвимых точек характера, индивид ведет себя без срывов, не доставляя неприятностей ни окружающим, ни себе.

В зависимости от степени выраженности различают *явные* и *скрытые* (латентные) акцентуации характера. Явные, или выраженные, акцентуации относятся к крайней границе нормы и отличаются стабильными характерологическими чертами. Скрытая акцентуация представляет собой обычный вариант нормы, выраженный слабо или не выраженный совсем. Такие акцентуации могут возникать неожиданно, под влиянием ситуаций определенного типа и психотравм, предъявляющих повышенные требования к месту наименьшего сопротивления, в то время как психогенные факторы иного рода, даже тяжелые, не только не вызывают психических расстройств, но мо-

гут даже вовсе не выявить каких-либо характерологических особенностей. Оба типа акцентуаций могут переходить друг в друга под влиянием различных факторов, среди которых важную роль играют особенности семейного воспитания, социального окружения, профессиональной деятельности и т. д.

Поскольку акцентуации характера граничат с соответствующими видами психопатических расстройств, их типология базируется на детально разработанной классификации подобных расстройств в психиатрии, отражая тем не менее и свойства характера психически здорового человека. В связи с тем, что большая часть акцентуаций характера оформляется к подростковому возрасту и нередко наиболее ярко проявляется именно в это время, целесообразно рассмотреть классификацию акцентуаций на примере подростков. Такая типология, предложенная А. Е. Личко, включает в себя следующие акцентуации:

Гипертимный тип. Подростки этого типа отличаются подвижностью, общительностью,

склонностью к озорству. В происходящие вокруг события они всегда вносят много шума, любят беспокойные компании сверстников. При хороших общих способностях они обнаруживают неусидчивость, недостаточную дисциплинированность, учатся неровно. Настроение у них всегда хорошее, приподнятое. Со взрослыми, родителями и педагогами у них нередко возникают конфликты. Такие подростки имеют много разнообразных увлечений, но эти увлечения, как правило, поверхностны и быстро проходят. Подростки гипертимного типа зачастую переоценивают свои способности, бывают слишком самоуверенными, стремятся показать себя, прихвастнуть, произвести на окружающих впечатление.

Циклоидный тип. Он характеризуется повышенной раздражительностью и склонностью к апатии. Подростки данного типа предпочитают находиться дома одни, вместо того чтобы проводить время со своими сверстниками. Они тяжело переживают даже незначительные неприятности, на замечания реагируют крайне раздражительно. Настроение у них периодически меняется от

приподнятого до подавленного (отсюда название данного типа) с периодами примерно в две-три недели.

Лабильный тип. У подростков этого типа крайне изменчиво настроение, причем оно зачастую непредсказуемо. Поводы для неожиданного изменения настроения могут быть самые ничтожные, например, кем-то случайно оброненное обидное слово, чей-то неприветливый взгляд. Все они «способны погрузиться в уныние и мрачное расположение духа при отсутствии каких-либо серьезных неприятностей и неудач». От сиюминутного настроения этих подростков зависит многое в их психологии и поведении. Соответственно этому настроению настоящее и будущее для них может расцвечиваться то радужными, то мрачными красками. Такие подростки, когда они находятся в подавленном настроении, крайне нуждаются в помощи и поддержке со стороны тех, кто мог бы их настроение поправить, кто способен их отвлечь и приободрить. Они хорошо понимают и чувствуют отношение к ним окружающих людей.

Астеноневротический тип. Этот тип характеризуется повышенной мнительностью и капризностью, утомляемостью и раздражительностью. Особенно часто повышенная утомляемость проявляется при выполнении трудной умственной задачи.

Сензитивный тип. Ему свойственна повышенная чувствительность ко всему: к тому, что радует, и к тому, что огорчает или пугает. Эти подростки не любят больших компаний, слишком азартных, подвижных и озорных игр. Они обычно застенчивы и робки при посторонних людях и потому часто производят впечатление замкнутых. Открыты и общительны они бывают только с теми, кто им хорошо знаком, общению со сверстниками предпочитают общение с малышами и взрослыми. Они отличаются послушанием и обнаруживают большую привязанность к родителям. У таких подростков могут возникать трудности в плане адаптации в кругу сверстников, а также нередко развивается комплекс неполноценности. Вместе с тем у них довольно рано формируется чувство долга, обнаруживаются высокие

моральные требования к себе и окружающим людям. Нехватку способностей они часто компенсируют выбором сложных видов деятельности и повышенным усердием. Эти подростки разборчивы в выборе друзей и приятелей, обнаруживают большую привязанность, предпочитают товарищей, которые старше их по возрасту.

Психастенический тип. Эти подростки характеризуются ранним интеллектуальным развитием, склонностью к размышлениям, рассуждениям и самоанализу. Такие подростки, однако, нередко бывают больше сильны на словах, чем в деле. Самоуверенность у них сочетается с нерешительностью, а безапелляционность суждений—со скоропалительностью действий, предпринимаемых как раз в те моменты, когда требуются осторожность и осмотрительность.

Шизоидный тип. Его наиболее существенной чертой является замкнутость. Эти подростки не очень тянутся к сверстникам, предпочитают быть одни, находиться в компании взрослых. «Духовное одиночество несколько не тяготит шизоидно-

го подростка, который живет в своем мире, своими необычными для детей этого возраста интересами». Такие подростки нередко демонстрируют внешнее безразличие к другим людям, отсутствие к ним интереса. Они плохо понимают состояние других людей, их переживания, не умеют сочувствовать и сопереживать. Их внутренний мир зачастую наполнен различными фантазиями, особыми увлечениями. Во внешнем проявлении своих чувств они достаточно сдержанны, не всегда понятны для окружающих, прежде всего для своих сверстников, которые их, как правило, не очень любят.

Эпилептоидный тип. Эти подростки часто плачут, изводят окружающих, особенно в раннем детстве. «Такие дети, — пишет А. Е. Личко, — любят мучить животных, . . . избивать и дразнить младших и слабых, издеваться над беспомощными и неспособными дать отпор.

В детской компании они претендуют не просто на лидерство, а на роль властелина». Их типичные черты—жестокость, себялюбие и властность. В группе детей, которыми они управля-

ют, такие подростки устанавливают свои жесткие, почти террористические порядки, причем их личная власть в таких группах держится в основном на добровольной покорности других детей или на страхе. В условиях жесткого дисциплинарного режима они чувствуют себя нередко на высоте, «умеют угодить начальству, добиться определенных преимуществ, завладеть... постами, дающими в их руки... власть, установить диктат над другими». Истероидный тип. Главная черта этого типа—эгоцентризм, жажда постоянного внимания к своей особе. У подростков данного типа выражена склонность к театральности, позерству, рисовке. Такие дети с трудом выносят, когда в их присутствии хвалят их товарища, когда другим уделяют больше внимания, чем им самим. «Желание привлечь к себе взоры, слушать восторги и похвалы становится для них насущной потребностью». Для таких подростков характерны претензии на исключительное положение среди сверстников. Поэтому, чтобы оказать влияние на окружающих, привлечь к себе их внимание, они часто выступают в группах в ро-

ли зачинщиков и заводил. Вместе с тем, будучи неспособными выступить как настоящие лидеры и организаторы дела, завоевать себе неформальный авторитет, они часто и быстро терпят фиаско.

Неустойчивый тип. Его иногда неверно характеризуют как слабовольный, плывущий по течению. Подростки данного типа обнаруживают повышенную склонность и тягу к развлечениям, причем без разбора, а также к безделью и праздности. У них отсутствуют какие-либо серьезные, в том числе профессиональные, интересы, они почти совсем не думают о своем будущем.

Конформный тип. Данный тип демонстрирует бездумное, некритическое, а часто конъюнктурное подчинение любым авторитетам, большинству в группе. Такие подростки обычно склонны к морализаторству и консерватизму, их жизненное кредо—«быть как все». Это тип приспособленца, который ради своих собственных интересов готов предать товарища, покинуть его в трудную минуту, но что бы он ни совершил, он всегда найдет оправдание своему поступку, причем нередко не

одно.

Чтобы лучше разобраться в сущности отмеченных акцентуаций, можно рассмотреть их литературные аналоги. Так, у Гавроша из романа «Отверженные» В. Гюго можно предположить акцентуацию гипертимного типа; у Сонечки Мармеладовой из романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского—эмотивный склад характера; у шекспировского Отелло—застревающий; у Миледи из романа «Три мушкетера» А. Дюма и мольеровского Тартюфа—истероидный; у Дмитрия Карамазова—резко выраженный возбудимый (близкий к психопатии); у Ромео и Джульетты—экзальтированный; у Санчо Пансы из «Дон Кихота» Сервантеса—экстравертированный. Следует иметь в виду, что чистые типы встречаются редко (мы уже не раз писали об этом), значительно чаще можно обнаружить смешанные формы акцентуаций.

Как правило, при правильном воспитании акцентуации характера со временем сглаживаются и несколько компенсируются. Но при сложных психогенных ситуациях, длительно воздействую-

щих на «слабое звено» характера, акцентуации могут не только стать почвой для острых аффективных реакций, но и явиться условием развития психопатии.

Психопатия (от греч. *psyche*—«душа» и *pathos*—«болезнь») — патология характера, при которой у субъекта имеются выраженные и стойкие характерологические изменения, препятствующие его адекватной адаптации в социальной среде. В отличие от акцентуаций, психопатии, как видно из определения, носят стабильный характер, проявляются во всех ситуациях и препятствуют социальной адаптации индивида. Реакции акцентуированной личности (по сравнению с реакциями психопата) более тесно связаны с психотравмирующими факторами, при этом сохраняется определенный самоконтроль. Так, развязный и грубый в семье подросток-акцентуант понимает, что вести себя подобным образом с малознакомыми людьми нельзя. Он пьянствует со сверстниками, но если в семье пьянство не поощряется, старается приходить домой трезвым. Для психопата таких ограничений не существует.

Так как психопатия развивается на основе акцентуации характера, то и различия между отдельными видами психопатий имеют названия, соответствующие акцентуациям (циклоиды, шизоиды, эпилептоиды, астеники и т. д.). Причины возникновения психопатий можно разделить на две большие группы: 1) заболевания (травмы головного мозга, инфекции, интоксикации, психотравмы и т. д.); 2) врожденная неполноценность нервной системы, вызванная наследственными факторами, родовой травмой и пр. Такие психопатии называют конституциональными, или истинными. Они проявляются уже в детском возрасте в виде различных нарушений эмоционально-волевой сферы, хотя интеллект при этом может быть сохранен. Изучение различных форм психопатии свидетельствует об отсутствии четких критериев патологии. По мнению П. Б. Ганнушкина, между психопатическими особенностями и соответствующими им «простыми человеческими недостатками» разница большей частью только количественная.

Когда говорят о наличии у кого-то определен-

ного характера, тем самым указывают на известную односторонность его психической организации, известную дисгармонию психики. По сути дела, о нормальном «идеальном» человеке нельзя сказать, какой у него характер, так как все его поведение является простой реакцией на внешние воздействия.

Следует также отметить расплывчатость и неопределенность границ и между отдельными психопатиями. Выделяемые формы психопатий большей частью представляют собой искусственный продукт схематической обработки того, что наблюдается в действительности. В то же время поведение психопатов одного типа может быть различным: один параноик может быть всемирно признанным ученым, а другой—душевнобольным. Один психопат—одаренный и популярный поэт, а другой—никчемный бездельник.

Имеет смысл затронуть вопрос о связи психопатических особенностей личности с интеллектуальной или художественной одаренностью. Исходя из того что в нерезкой форме те или иные пси-

хопатические особенности присущи всем так называемым «нормальным» людям, понятно, что чем резче выражена индивидуальность, тем ярче становятся и свойственные ей психопатические черты. Вероятно, именно поэтому среди людей высокоодаренных, с развитой эмоциональной жизнью и богатой фантазией присутствует значительное количество несомненных психопатов. В профилактике психопатий самым существенным средством является воспитание, но и оно нередко оказывается беспомощным перед полным отсутствием волевых «тормозов» у одних и могучим напором влечений, разрушающих личность, у других.

Характер не является застывшим образованием, он формируется на протяжении всей жизни. Анатомо-физиологические задатки, как было показано, не определяют абсолютно однозначно развитие того или иного характера. Признание же зависимости характера от таких факторов, как внешний облик, конституция тела, дата рождения, имя и т. п., ведет к признанию невозможности сколько-нибудь существен-

ным образом изменять и воспитывать характер. Однако вся практика воспитания опровергает тезис о постоянстве характера, подобные случаи возможны лишь в случае патологии личности.

Характер, несмотря на свою многогранность, лишь одна из сторон, но не вся личность. Человек способен подняться над своим характером, способен изменить его. Личность может бросить вызов обстоятельствам и стать другой (если, конечно, она не скрывает свое бессилие за фразой «такой уж у меня характер»).

Становление характера со временем обусловлено, конечно, и тем, каким он был раньше. Даже при самых крутых изменениях в жизни характер обычно все же сохраняет известное единство в основных наиболее общих его чертах. Но характер не является фатально predetermined, хотя он и обусловлен объективными обстоятельствами жизненного пути человека, однако сами эти обстоятельства могут меняться под влиянием поступков человека.

Самовоспитание предполагает, что человек способен освободиться от излишнего самомне-

ния, может критически посмотреть на себя, увидеть свои недостатки.

Большую помощь в воспитании характера оказывают более опытные люди, и здесь важно найти пример, достойный для подражания. На Востоке говорят: «Если есть ученик, учитель найдется». В этом заложен глубокий смысл. Никакой учитель не в состоянии научить того, кто не хочет учиться. Тот же, кто учиться хочет, всегда найдет, на кого ему равняться, с кого брать пример. Характер человека формируется во взаимодействии с другими. Но тот, кто берется помочь другим, сначала должен сам продемонстрировать пример целеустремленности, активности, организованности и стойкости. Здесь нельзя забывать о механизмах подражания, которые в первую очередь распространяются на негативные проявления поведения. Сначала мать, отец, другие члены семьи, потом воспитатели в детском саду, сверстники, учителя и т. д. являются потенциальными наставниками. Однако реальное воздействие на характер возможно лишь при условии референтности воспитателя для воспитанни-

ка.

Пример для подражания необязательно должен быть реальным. Это может быть киногерой или герой литературного произведения, отличающийся глубокой принципиальностью и исключительной твердостью характера, герой войны, передовой ученый. Живые образы стойких, целеустремленных характеров дает многовековая история России. Для примера достаточно указать на М. В. Ломоносова и А. В. Суворова, жизнь которых является своего рода школой воспитания характера.

ДАВЛЕНИЕ СРЕДЫ

Социальный характер—проблема культурной антропологии, связанная с влиянием общества на личность. В 30-е годы XX века Р. Мертон выделил преобладающие типы личности в разные эпохи социокультурных изменений, которые фиксируют в себе культурные влияния. Он исходил из принципа, что любые структуры выполняют две задачи: 1) определяют цели общества; 2) обеспечивают пути их достижения. Были выделены следующие типы: *конформный* (принимает культуру, цели и институциональные цели); *новатор* (принимает только цели); *ритуалист* (принимает только средства); *изолированный* (отходит и от цели, и от средств); *мя-*

тежник (пребывает в нерешительности относительно целей и средств). В заключение остается отметить, что характер—это емкое психологическое образование. Его стержень составляет сочетание как врожденных, так и благоприобретенных свойств. Проявления характера многоплановы, но ведущими и определяющими являются поступки, осознанные линии поведения.

ВОЛАНД И БЕРЛИОЗ

Давайте вспомним Михаила Булгакова. В романе «Мастер и Маргарита» есть замечательный эпизод—беседа Воланда с покойным Берлиозом, которого зарезало трамваем на Патриарших прудах. Дело происходит на великом балу у сатаны. «Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их».

Обратите внимание на оговорку Христа—«по вере вашей». Она очень существенна. Ответственность перекладывается на плечи исцеляемого: прозрел—это я сотворил чудо, остался слеп—сам виноват, не сумел толком поверить. . . Психотерапевтам все это хорошо известно, так удается излечивать и стойкие параличи, и глухоту, и слепоту, если, конечно, отсутствуют признаки органического поражения. Сила внушения не беспредельна: слово оказывает лечебный эффект только при функциональных расстройствах, когда, например, зрительные пути абсолютно сохранены, но подверглись глубокому торможению.

Внушение и гипноз (а гипноз—это всего-навсего частный случай внушения) имеют богатую традицию. Скажем, сохранился так называемый «папирус гностиков» (II век новой эры), где описаны многие классические приемы погружения в гипнотический сон. Специально отобранные гипнабельные служители храма, находясь в гипнотическом трансе, с помощью величественных жрецов изрекали легковерной толпе указания богов. Некоторые психотерапевтические ме-

тоды воздействия известны со времен глубокой древности и поныне культивируются и практикуются в архаических обществах колдунами, знахарями и шаманами всех мастей. Подобного рода традиционную медицину можно определить как сочетание прямого внушения (вера в могущество колдуна и его целительные способности является здесь главным фактором терапевтического воздействия) и косвенного (ритуальные обряды, заклинания, магические пляски и пр.). Очень большую роль играет *манипуляция состояниями сознания*. Добиться так называемых измененных состояний сознания позволяют наркотические снадобья, длительное воздержание от пищи и особые действия, направленные на достижение эффекта *сенсорной депривации*. Под последней понимается ограничение внешних стимулов, поступающих через органы чувств, своего рода сенсорный голод.

Один из столпов структурной лингвистики, выдающийся французский этнограф и мифолог Клод Леви-Строс подробно описал ритуальный обряд, который практикует одно из индейских

племен Южной Америки при трудных родах. Шаман разыгрывает перед роженицей целое представление, в котором процесс родов выгладит как сражение с духами, а отдельные эпизоды этого сражения соответствуют различным фазам родов. Этот сценарий призван дать пациентке нечто вроде путеводной нити, позволяющей упорядочить хаотический поток телесных ощущений и вызвать соответствующие физиологические реакции. Шаман, пишет Леви-Строс, «дает роженице язык, способный непосредственно сообщать о неформулируемых состояниях, которые не могут быть выражены иным путем», и поясняет, что переход к такому словесному выражению стимулирует ход физиологического процесса. Шаман является своего рода профессиональным «отреагироваателем», он буквально ставит себя на место роженицы.

Известный французский психотерапевт Леон Шерток в своей книге «Непознанное в психике человека» уделяет много места исследованию Леви-Строса. В шаманском обряде Леви-Строс находит немало общего с психоанализом,

но игнорирует не менее существенный, по мнению Шертока, фактор—изменения, происходящие в состоянии сознания роженицы. Между тем назойливая повторяемость заклинаний и обдуманность приемов, переключающих все внимание пациентки на личность шамана, — как раз те самые элементы, что характерны для техники погружения в гипноз.

Европейская наука нового времени заинтересовалась гипнозом сравнительно поздно—во второй половине XVIII века, когда австрийский врач Франц Месмер ввел представление о «животном магнетизме». Он утверждал, что между людьми существует связь, осуществляемая посредством особой энергии—«магнетического флюида» и что с помощью этого флюида один человек может вызвать у другого значительные психические и соматические изменения. В практическом отношении месмеровский метод сводился к ряду физических воздействий (так называемых пассов), провоцирующих «исцеляющие кризы». Их лечебное действие Месмер объяснял гармоничным перераспределением флюида, поскольку

полагал, что большинство болезней происходит как раз от его неравномерного распределения.

Последователи Месмера довольно скоро заметили, что главным звеном в магнетических сеансах являются отнюдь не пресловутые кризы, представляющие собой дополнительный и далеко не самый существенный феномен. У некоторых больных наблюдалось нечто вроде летаргии при сохранении способности ходить, говорить и т. п. Другими словами, они были просто-напросто загипнотизированы. Один из учеников Месмера, маркиз де Пюисегюр, сосредоточил внимание именно на этом феномене, разработав в конце концов собственную, довольно сложную методику. Кстати говоря, он же впервые обнаружил явление постгипнотического внушения.

Но все-таки подлинным новатором в деле изучения гипноза следует считать английского врача середины XIX века Брэда, предложившего принципиально иные подходы. В частности, он утверждал, что для погружения в гипнотический сон нет никакой необходимости в пассах, а вполне достаточно фиксации взгляда на блестящем пред-

мете при одновременном словесном внушении. Таким образом, теория животного магнетизма, объясняющая гипнотический эффект циркуляцией вымышленного флюида, была окончательно предана забвению. Именно Брэд предложил и сам термин «гипноз» (от греч. *hypnos*—«сон»), и с этого времени гипноз широко входит во врачебный обиход.

Что мы знаем о гипнозе сегодня? Классическое, имеющееся едва ли не во всех учебниках определение гласит, что *гипноз*—это фрагментарный сон, частичное торможение коры больших полушарий головного мозга. Однако современные электрофизиологические исследования показали, что природу не только гипнотического, но и естественного сна нельзя объяснить исключительно торможением коры. Тем более не выдерживает серьезной критики в свете новейших данных нейрофизиологии попытка упрощенно трактовать гипноз как парциальное (частичное) бодрствование отдельных участков коры мозга, пока другие спокойно спят. При электроэнцефалографических исследованиях ис-

пытуемых, находящихся в глубоком гипнозе, от всех областей коры регистрируется хорошо выраженный альфа-ритм—типичная доминирующая активность коры здорового бодрствующего человека. Иногда наблюдаются и медленные волны—показатели сна, но не следует забывать, что загипнотизированный довольно легко переходит из гипнотического сна в естественный. Кое в чем эти состояния действительно весьма схожи (особенно внешне), но в то же время чем-то принципиально различаются.

Одним словом, окончательного ответа на все эти вопросы нет. Гипноз и сегодня представляет собой загадку, в особенности еще и потому, что связь между соматическим и психическим проявляется в нем с исключительной силой. Достаточно вспомнить внушенные ожоги и гипнотическую анестезию (обезболивание с помощью гипнотического внушения).

Упомянувшийся нами Л. Шертук пишет:

«В этом смысле гипноз создает нам особенно благоприятную возможность—или, если хотите, необходимый обходной путь—для проникновения

в еще закрытые для нас области психического функционирования».

Понятно, что такие факты, как неизвестно откуда взявшаяся способность свободно объясняться на чужом языке (при изначальных весьма скромных способностях) или внезапно прорезавшийся шахматный талант на фоне откровенно любительской игры, требуют своего объяснения.

Давайте начнем с малого—с внушенных ожогов и феномена гипнотической анестезии. Волею-неволею приходится признать, что современное состояние наших знаний не позволяет нам объяснить (даже гипотетически) механизм подобных явлений. С одной стороны, психическая составляющая подобного рода феноменов сомнений вроде бы не вызывает: по некоторым данным, появление ожогового волдыря возможно только у тех людей, которым довелось в свое время пережить подлинный и несомненный ожог. Нам остается предположить, что организм, по всей видимости, нуждается в своеобразной «подсказке» в виде уже готовой модели патологических изменений. Однако вопрос, откуда этот волдырь взялся,

все равно остается без ответа.

Было бы просто замечательно, если бы дело сводилось к переживанию исключительно субъективного (читай: галлюцинаторного) болевого ощущения. Но ничего подобного! Мы наблюдаем бесспорные органические изменения, развившиеся в отсутствие экзогенного (внешнего) фактора, что представляет собой абсолютный нонсенс. Остается предположить, что центральная нервная система в некоторых случаях способна действовать чисто эфферентно (нисходяще), моделируя реальный экзогенный стимул.

К сожалению, удовлетворительного объяснения всех этих трудностей как не было, так и нет. Все, что имеется в нашем распоряжении, – лишь гипотезы, более или менее убедительные. Некоторого прорыва можно было бы ожидать в связи с успехами иммунологии, но и тут все далеко не так просто. Казалось бы, роль психологических факторов в генезе аллергических заболеваний, таких как бронхиальная астма или крапивница, сегодня признается всеми. Более того, имеются успешные попытки экспериментально вызывать

приступы крапивницы путем простого упоминания о таких ситуациях, а с точки зрения патофизиологии не существует фундаментального различия между образованием волдыря при крапивнице и пузыря при ожоге.

Специалисты обычно различают два типа вмешательства психики в соматику—так называемую истерическую конверсию и соматизацию в собственном смысле этого слова. В первом случае органический симптом является прямой реализацией психического представления, при соматизации же в собственном смысле он обусловлен неким эмоциональным напряжением, психотравмирующей ситуацией. Таков, например, механизм образования язвы желудка: конфликтная ситуация влечет за собой напряжение, которое, многократно повторяясь, стимулирует желудочную секрецию, что и приводит в конечном счете к язвенному поражению. Вся проблема в том, что истерическая конверсия, по единодушному мнению специалистов, может затрагивать только произвольно регулируемую поперечно-полосатую мускулатуру, а вот механизм истинной сомати-

зации не реализуется в представлении и дает нейровегетативные нарушения или задействует гладкие мышцы, недоступные сознательному управлению. Таким образом, психосоматический симптом в противоположность симптому конверсии не несет символической нагрузки.

Наш эксперимент с ожогом решительно противоречит этой дихотомии. Механизм здесь бесспорно конверсионный, поскольку представляет собой прямую материализацию представления (внушение ожога), а возникновение пузыря неразрывно связано с деятельностью нейровегетативной системы. Точно так же известно, что посредством гипнотического внушения можно останавливать кровотечение (такие опыты проводились), которое, разумеется, не поддается произвольному регулированию. Как со всем этим быть—одному Богу известно, поэтому мы не станем более углубляться в непролазные дебри ученых дискуссий, но отметим только одно: тот факт, что можно словом спровоцировать тканевые, гуморальные и даже иммунологические изменения, сам по себе представляет чрезвычай-

но большой интерес.

Не меньше вопросов порождает и *гипнотическая анестезия*, то есть обезболивание посредством гипнотического внушения. Вот далеко не полный перечень хирургических вмешательств, при которых обезболивание достигалось исключительно с помощью гипноза: удаление аппендикса, кесарево сечение, операции на желудке, резекция грудной железы, удаление простаты, сердечная хирургия. Леон Шерток рассказывает о проведенных им опытах по гипнотическому обезболиванию, позволяющих сделать вывод, что с помощью гипноза снимается боль, о чем, вне всякого сомнения, свидетельствует отсутствие таких болевых проявлений, как рефлекс отдергивания или мимика, обозначающая восприятие боли. Кроме того, и сами испытуемые по окончании процедуры заявляют, что боли не испытывали.

Однако не все так просто и однозначно. Опыты по восстановлению памяти показывают, что восприятие болезненной информации (ее распознавание пациентом), по всей видимости, имеет

место, но претерпевает качественное изменение. Грубо говоря, пациент осознает боль, но она не доставляет ему страданий. Впрочем, вопрос этот крайне запутанный и нуждается в дополнительных исследованиях.

Давайте оставим в покое высокую теорию и обратимся к живым гипнотическим картинкам. Помните, мы уже упоминали о *сомнамбулизме*—своего рода гипнотическом максимуме? Настоящих сомнамбул сравнительно немного—от 5 до 20 %, по данным разных авторов. Это удивительное состояние. Человек, находящийся в глубоком гипнозе, может наслаждаться рыбной ловлей посреди комнаты, загорать на солнышке, растянувшись на кровати, рвать с пола невидимые цветы или с наслаждением слушать пение соловья (в комнате полная тишина). Взрослого человека можно превратить в шестилетнего ребенка, и он будет с упоением выводить детские каракули; если «сделать» его новорожденным, у него появится сосательный рефлекс, а глаза станут пустыми и плавающими. Молодую женщину перевоплощают в глубокую старуху, и она моментально

сгибается, бредет, едва передвигая ноги, старчески садится. Руки трясутся, изменяются взгляд и голос. Перед нами абсолютно гениальная игра, невероятная подлинность переживания.

Гипнотизер обычно предлагает ситуационную модель в общем виде, а все существенные детали домысливаются самим испытуемым. Психика как бы раздваивается: одна ее часть глубоко спит, а другая—легко управляема и находится в высшей степени бодрствования. Человеку в ходе испытания можно внушить любую галлюцинацию (он без труда увидит зверя, каких не бывает в природе), несуществующую боль или, наоборот, подавить восприятие реальной боли, сделать кислое соленым, а соленое—сладким. Внушение в сомнамбулическом состоянии способно пробудить такие глубинные, потаенные следы памяти, о существовании которых не подозревает ни гипнотизер, ни сам загипнотизированный. Можно без труда оживить прочно забытые сцены и переживания из далекого прошлого. Известна хрестоматийная история о том, как пожилой венгр, мальчиком угнанный с Украины в Герма-

нию во время Великой Отечественной войны, с помощью врача-гипнотизера вспомнил свои настоящие имя и фамилию, разыскал родное село и мать.

У сомнамбул удается достичь полного гипнотического перевоплощения личности. Вот как об этом пишет Владимир Леви:

«Все, что угодно. Можно перевоплотить О. С. (пациент В. Леви. — *Л. III.*) в фельдмаршала Кутузова или Наполеона. В Рафаэля или в Паганини. В маленького ребенка или столетнего старика. Можно—в чернокожего короля, дать ему имя Уага-Дуга, и он забудет свое. Можно—в любого зверя или в птицу, в дневную или ночную. В собственную жену или дочь. В неодушевленный предмет, в чайник или будильник. В букву. В воздух».

С сомнамбулами можно творить настоящие чудеса. Например, всем психиатрам известен феномен так называемого *отсроченного* (постгипнотического) *внушения*. Загипнотизированному внушается, что через определенное время (минуты, часы, дни—принципиального значения не

имеет) он совершит некие действия. Причем до наступления «момента икс» испытуемый не подозревает о том, что ему приказано что-то выполнить (из соображений подстраховки такую локальную амнезию можно подкрепить специальным внушением). Но вот бьет назначенный час, и внушение исподволь начинает просачиваться на поверхность. Самое интересное при этом—что любая, сколь угодно нелепая ситуация облекается в привычные одежды и разыгрывается на редкость естественно.

Владимир Леви в книге «Охота за мыслью» рассказывает, как он внушил одной своей пациентке, что через десять—пятнадцать минут после сеанса гипноза она наденет его пиджак. Идет время, больная и врач спокойно беседуют о том о сем, и ничего ровным счетом не предвещает перемен в поведении пациентки. Неожиданно она начинает зябко ежиться и оглядываться по сторонам. Все очень натурально—на коже появляются мурашки, хотя в комнате совсем не холодно. Что-то прохладно, растерянно говорит больная, я совсем замерзла. Вы не позволите на

минуту набросить ваш пиджак? Все происходит само собой, нет даже и тени натяжки: звучит мотивировка—холодно, и налицо неподдельное, видимое невооруженным глазом ощущение холода. Удивительная непринужденность!

Любое внушение покоится на авторитете внушающего. Без этой малости не получится ничего. Конкретная ситуация не играет никакой роли—это может быть сеанс гипноза, шаманский обряд или публичное выступление харизматического лидера. Главное—авторитет, лицо сугубо компетентное в непонятном по определению. Хорошо известно, что для некоторых больных, особенно тревожно-мнительных и неуверенных в себе, обыкновенный профессорский обход—сам по себе уже огромная целительная сила, даже если профессор всего лишь обронит пару слов и похлопает больного по плечу. Авторитетный и уважаемый врач может лечить обыкновенной дистиллированной водой—на этом строится эффект *плацебо* (в буквальном переводе с латинского—«понравлюсь»). Дело в том, что любой лекарственный препарат помимо свое-

го специфического действия неявно содержит в себе и некий психотерапевтический компонент. Особенно наглядно это проявляется в тех случаях, когда больному дают обыкновенную глюкозу, но говорят, что это новое сильнодействующее средство, прекрасно себя зарекомендовавшее в клинических испытаниях. И результат не заставляет себя долго ждать—плацебо-эффект налицо! Здесь в одной упряжке выступают даже два авторитета сразу—авторитет врача и безличный авторитет науки.

При этом очень важна предварительная подготовка, когда больной находится в томительном ожидании. Знахари и колдуны испокон веков использовали для повышения внушаемости предваряющие основную процедуру загадочные манипуляции—так нагнетается ожидание. Прекрасный пример такого рассчитанного докторского поведения приводит Игорь Губерман в своей книге «Прогулки вокруг барака». В отделении уже больше года лежит больной, страдающий полной обездвиженностью на нервной почве. Катаlepsия в чистом виде—мужик валяется

пластом, руки-ноги его не слушаются, и самопроизвольно он не в состоянии совершить ни малейшего движения. Однажды ему сообщают, что через некоторое время его будет консультировать очень талантливый доктор, который такие состояния щелкает как орехи. Но доктору все недосуг. Завтра, завтра, завтра, говорят больному, ну вот завтра уж точно придет... Так его мурыжат дней десять. И когда наконец наступает «час икс», в палату входят несколько незнакомых врачей, образуя почтительный живой коридор. Следом в развевающемся халате влетает долгожданное светило, подбегает к постели больного и дает команду: «Встать!» (То же самое, библейское— «Талифа куми!»—встань и иди!) И каталептик послушно сел в кровати, а потом встал, помогать ему почти не пришлось.

Вернемся к сомнамбулам. Еще одна цитата из Владимира Леви, чтобы показать, что это такое—глубочайшая фаза гипноза.

«Вот это самое ощущение испытываешь, работая с сомнамбулом: фантастический полет в психике...»

– Давайте-ка с вами пройдемся на лыжах. Смотрите, какой чудесный лес. Какой снег!

– Да. (Восхищение во взгляде. Любовно оглядывает стены, мебель, потому что теперь это деревья, сказочно убранные зимой.)

– Надевайте лыжи.

Быстрые, четкие, пластичные движения. Раз... раз... одну галлюцинаторную лыжу, другую—прямо на свои обычные ботинки, это не смущает: раз сказано «надевать лыжи», значит он уже в лыжных ботинках.

– Готовы?

– Сейчас, крепление поправлю... Все.

– Поехали. Вот по этой лыжне. Вы вперед, я за вами.

Пошел. Сильно, ловко отталкивается галлюцинаторными палками. У стены делает поворот, идет вдоль, опять поворот. Обходит диван. (Это поваленная ель.) Пантомима в духе Марселя Марсо, с подлинной гарантией подлинности переживания, той же, что в сновидении, даже еще больше».

Нередко у тех, кто знакомится с чудесами гип-

ноза, возникает естественный и тревожный вопрос: а как далеко может зайти гипнотическое овладение личностью? Насколько вероятна опасность умышленной злостной манипуляции? Можно ли использовать гипноз в преступных целях?

Вопросы далеко не праздные и окончательно не проясненные. Имеющийся в нашем распоряжении материал достаточно противоречив. Однажды французский гипнолог Коке вложил своей сомнамбуле в руку игральную карту и, внушив, что это нож, приказал заколоть его (Коке). Внушение было выполнено беспрекословно. Когда же Коке дал в руки сомнамбуле вполне реальный нож, пациент замахнулся и, выронив нож, забился в истерике. Как это расценивать? Откровенно говоря, это методически слабо, поскольку гипнотизер создал конфликтную ситуацию на пустом месте: приказал себя убить без всяких на то оснований. . .

Куда более убедительный результат получил немецкий врач Кауфман. Он дал сомнамбуле пистолет, велел выйти на улицу и застрелить полицейского. Все было выполнено тютелька в тютельку.

тельку. Патрон, разумеется, был холостым, так что никто не пострадал, но шуму поднялось много. Кауфмана даже привлекли к суду. Оправдываясь, врач говорил, что своим экстравагантным опытом он наглядно продемонстрировал возможность преступного использования гипнотического внушения. Но оппоненты возражали: убийства произойти не могло, поскольку в подсознании испытуемого накрепко засела мысль о невозможности преступления—врач не мог толкать его на убийство по определению.

Если суммировать немногочисленные экспериментальные данные подобного рода, напрашивается вывод, что насильственный гипноз вроде бы возможен, особенно при некоторой интеллектуальной недостаточности и соответствующей настроенности пациента. Во всяком случае, по мнению Владимира Леви, оптимизм гипнологов, настаивающих на полной невозможности преступных внушений, представляется необоснованным (по крайней мере, у сомнамбул).

Но паниковать вряд ли имеет смысл. Использование гипноза в преступных целях маловеро-

ятно хотя бы потому, что существует множество гораздо более дешевых и менее трудоемких способов насилия и обмана.

КОЕ-ЧТО О ГЕНИЯХ

Феномен гениальности, а если говорить шире—исключительной интеллектуальной одаренности, занимал человечество испокон веков. Относительно того, откуда берутся гении и что они собой представляют, ясности не было никогда. Диапазон оценок более чем широк. Очень часто гениальность рассматривалась как нечто потустороннее, иррациональное, внеприродное, подвластное только высшим силам. «Гении падают с неба», — писал французский ученый-энциклопедист Дени Дидро. Соотечественник Дидро, выдающийся натуралист Жорж Бюффон, с ним не был согласен: гений—это прежде всего бесконечное терпение и необыкновен-

ная выдержка. А вот слова немецкого философа Артура Шопенгауэра: «Сутью гения является способность видеть общее в частном, беспрестанно влекущее вперед стремление к изучению фактов и ощущение подлинно важного». Шотландский историк Томас Карлейль был предельно прост: «Гениальность—это необычайная способность преодолевать трудности». В связи с этим можно вспомнить и Альберта Эйнштейна, одного из величайших физиков всех времен и народов: «У меня нет никакого таланта, а только упрямство мула и страстное любопытство». Очень похоже, что создатель теории относительности не думал шутить и говорил совершенно серьезно. Большой энциклопедический словарь, как и полагается всякому словарю, сух и строг: он определяет гениальность как наивысшую степень проявления творческих сил человека. Но наиболее удачной, на наш взгляд, представляется следующая дефиниция, устанавливающая вдобавок своеобразную табель о рангах: «Талант поражает цель, в которую никто другой попасть не может, а гений—которую никто не видит». Лаконизм здесь

счастливого сочетается с точностью и неочевидной глубиной. Эти люди сразу обращают на себя внимание. У них чрезвычайно тонкие и длинные руки и ноги при относительно коротком худощавом теле, длинные и тонкие «паучьи» пальцы, легко отгибающиеся назад, крупные кисти и стопы. Нередко отмечается аневризма аорты—тяжелая сердечная патология. Но высокий рост, диспластичность, непомерно длинные конечности—это всего лишь кажимость, мелкая рябь на поверхности неподвижных вод, внешнее проявление подспудных потаенных процессов. Куда как важнее физиология и биохимия. Все дело в том, что при синдроме Марфана в крови повышено содержание *катехоламинов*—физиологически активных веществ, некоторые из которых (адреналин, норадреналин) являются гормонами коры надпочечников. Катехоламины принимают важное участие в приспособительных реакциях организма, а особенно мощный их выброс происходит при *стрессе*—универсальном психофизиологическом ответе организма на действие сильных внешних раздражителей. За счет катехола-

миновой подпитки мобилизуются все внутренние ресурсы, и человек в таком состоянии способен переносить колоссальные психические и физические нагрузки. Слово «стресс» в буквальном переводе с английского означает «напряжение», а автором учения о стрессе является знаменитый канадский физиолог **Ганс Селье** (1907—1982). В наши дни принято говорить об общем адаптационном синдроме.

... Огонь опять горит—то
яркий свет лиет, То тлеет
медленно—а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей
питаю. И забываю мир—и в
сладкой тишине Я сладко
усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим
волненьем, Трепещет и звучит,
и ищет, как во сне, Излиться
наконец свободным
проявленьем — И тут ко мне
идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды
мечты моей. И мысли в голове
волнуются в отваге, И рифмы

Но если при стрессе происходит одномоментный выброс катехоламинов, то при синдроме Марфана их содержание в крови повышено постоянно, поэтому одаренные носители этого синдрома отличаются редкой работоспособностью, чрезвычайно деятельны и способны к длительному и напряженному интеллектуальному труду.

Прислушаемся к современникам Авраама Линкольна. При его исключительной худобе и типичном для синдрома Марфана слабом развитии мускулатуры он обладал невероятной физической силой и выносливостью—был и борцом, и лесорубом. Мы имеем полное право предположить, что его блестящий ум, находчивость, красноречие и остроумие, его замечательные интеллектуальные и физические данные не в последнюю очередь связаны с высоким уровнем адреналина в крови. В давней и не очень давней истории мы без особого труда обнаружим немало людей сходного типа.

Сразу же приходит на память великий датский сказочник Ханс Кристиан Андерсен—непомерно длинный и нескладный субъект с

огромными кистями и стопами. Костлявая громадина Шарль де Голль, участник движения Сопротивления в годы Второй мировой войны и президент Франции в 1958—1969 годах, человек необычайной физической силы и выносливости, — тоже достойный представитель этого племени. По мнению Эфроимсона, можно считать почти доказанным наличие синдрома Марфана у величайшего военного теоретика, историка и писателя Базиля Лиддела Гарта, сухощавого гиганта со сплюснутым с боков лицом (о таких людях говорят, что у них нет фаса, а только два профиля) и длиннющими руками и ногами. Имя Гарта у нас не очень известно, хотя его перу принадлежит более тридцати книг. Это был глубокий и тонкий стратег, теоретически обосновавший решающую роль крупных механизированных соединений в грядущей войне. Во всяком случае, знаменитый Гудериан, осуществивший танковый блицкриг во Франции в 1940 году и глубокие танковые рейды на восточном фронте в 1941-м, называл его своим учителем, а Лиддел Гарт позже с горечью писал, что его рекомендации были реа-

лизованы не соотечественниками, а смертельным врагом Британии.

Очень подозрительными на предмет синдрома Марфана Эфроимсон полагает Корнея Ивановича Чуковского и его поразительно одаренную дочь Лидию Корнеевну, а также русского поэта и участника восстания на Сенатской площади Вильгельма Карловича Кюхельбекера, друга Пушкина и человека отчаянной храбрости. Этот список при желании легко продолжить. В него, без сомнения, попадет немецкий физик-оптик Эрнст Аббе, автор теории микроскопа и руководитель оптических заводов Цейса в Йене. Мы смеем надеяться, что цейсовская оптика не нуждается в дополнительном представлении. Более чем достойное место займет в этом списке Никола Тесла, прославившийся пионерскими работами в области высокочастотной техники и отмеченный печатью несомненной и подлинной гениальности. Его именем названа единица магнитной индукции.

Имеются серьезные основания полагать, что синдромом Марфана страдал великий и непре-

взойденный Никколо Паганини, итальянский скрипач-виртуоз и композитор. Некоторые современники всерьез считали, что он заключил сделку с дьяволом, потому что только в аду можно научиться этим невообразимым исполнительским приемам. Болезненная худоба и демоническая внешность артиста только усиливали впечатление. Итальянцы вообще увлекающаяся публика. Они очень любят пугаться. За четыреста с лишним лет до рождения фра Никколо прохожие на улицах Флоренции точно также отшатывались от создателя «Божественной комедии». Едва только завидев его острый профиль под низко надвинутым капюшоном, они шарахались в сторону, бормоча в священном страхе: «Господи, помилуй, он был в аду!»

Менее показателен в этом смысле наш соотечественник Лев Давидович Ландау, блестящий физик-теоретик, нобелевский лауреат и человек во всех смыслах замечательный.

Двадцати трех лет от роду, вырвавшись из Советской России в Западную Европу, он на равных дискутирует с величайшими физиками свое-

го времени, настоящими небожителями—Бором, Гейзенбергом, Паули и Дираком. Вернувшись в Россию, он с 1932 года заведует теоретическим отделом Украинского физико-технического института и одновременно руководит кафедрой теоретической физики Харьковского механико-машиностроительного института. Молодой профессор резок и бескомпромиссен. Через мелкое сито его знаменитого теорминимума могут просочиться только единицы.

Лучше всего непростой характер Ландау характеризует, на наш взгляд, следующий эпизод. В конце двадцатых годов директор Ленинградского физико-технического института (ЛФТИ) А. Ф. Иоффе занялся проблемой тонкослойной изоляции. Прикладные выходы этой работы обещали в ближайшей перспективе миллионы рублей экономии. Но тут, как на грех, из заграничной командировки вернулся аспирант Лев Ландау и в два счета, на пальцах доказал теоретическую несостоятельность предложений Иоффе. Абрам Фёдорович смертельно обиделся и однажды в присутствии других сотрудников заявил Ландау,

что не видит никакого смысла в его последней работе. Ландау был совершенно невозмутим. «Теоретическая физика, – сказал он, – сложная наука, и не каждый может ее понять». Понятно, что после этой эскапады Ландау пришлось уйти из ЛФТИ.

Ландау не был особенно высок (его рост составлял 182 см), но благодаря своей исключительной худобе (у меня не телосложение, а теловычитание, говорил он) казался значительно выше. Так или иначе, но на фоне своих малорослых и крепко сбитых коллег он очень долго выглядел тощим неуклюжим подростком. Не исключено, что «виноват» тут не синдром Марфана, а подчеркнутая шизоидная астеничность, поскольку отчетливый шизорадикал в случае Льва Давидовича сомнений практически не вызывает. Впрочем, о вкладе шизоидов в мировую культуру мы поговорим отдельно.

Синдром Марфана встречается исключительно редко—один раз на сто тысяч рождений. По логике вещей, у нас не было ни единого шанса отыскать его среди четырехсот хрестоматийных

гениев, но, против ожиданий, мы без труда обнаружили по крайней мере девять бесспорных случаев. Такая плотность признака среди нескольких сотен выдающихся личностей—феномен сам по себе весьма примечательный, а если учесть, что адренилиновый «допинг»—это сильнейший стимулятор физической и интеллектуальной активности, то тут есть о чем задуматься.

3 Синдром Жанны д'Арк. У не склонных к лирике медиков название этого синдрома звучит куда как суше—*синдром тестикулярной феминизации*, или *синдром Морриса*. Трехтомный энциклопедический словарь медицинских терминов определяет его так: синдром тестикулярной феминизации—это форма ложного гермафродитизма, характеризующаяся развитием наружных половых органов по женскому типу, наличием rudimentарных матки и маточных труб в сочетании с недоразвитием яичек, локализирующихся в брюшной полости или в толще больших половых губ; при этом синдроме сохраняется мужской кариотип и не обнаруживается половой хроматин.

Переведем дух и разъясним простыми слова-

ми, о чем здесь идет речь. Синдром тестикулярной феминизации—это редкий наследственный синдром (по разным оценкам, один случай на 20 или 50 тысяч рождений), вызываемый наличием мужского набора хромосом (тот самый вышеупомянутый мужской кариотип), который приводит к формированию семенников, обычно легко прощупывающихся у женщин (в виде небольшой паховой грыжи). Казалось бы, мужской набор хромосом должен соответствующим образом воздействовать на соматические ткани; в норме так оно и получается. Но при синдроме Морриса этого не происходит из-за наследственной невосприимчивости соматических тканей к мужским половым гормонам. Поэтому в результате вырастает сильная и красивая женщина с хорошо выраженными внешними половыми признаками и половым влечением по женскому типу, но с отсутствием менструаций и бесплодная. У носителей синдрома Морриса отмечают деловитость, высокая психическая активность, физическая выносливость и сила. Другими словами, это мужской ум, помещенный волею судеб в женское

тело.

Имеются серьезные основания полагать, что синдромом Морриса страдала героиня Столетней войны и освободительница Франции Жанна д'Арк. Этой женщине посвящены тысячи исторических и поэтических сочинений. Родившаяся в 1412 году в селении Домреми, расположенном на границе Шампани и Лотарингии, девушка начиная с 1425 года стала слышать «голоса», сулившие ей высокое предназначение. На простую неграмотную крестьянку была возложена миссия освободить прекрасную Францию, попираемую жестокосердными чужеземцами. Жанна добилась аудиенции у Карла VII, и пребывавший в отчаянии дофин, хватаящийся за соломинку, объявил ее в 1429 году «руководительницей военных действий». Результаты не заставили себя долго ждать: в том же году пал Орлеан, и французская армия, ведомая Орлеанской девой, двинулась к Реймсу, освобождая по пути провинцию за провинцией. В Реймсе Карл был коронован.

Дальнейшее хорошо известно. В 1430 году в сражении при Компьене Жанна попала в плен и

была перевезена англичанами в Руан. Ничтожный Карл, обязанный Жанне всем, не пошевелил даже пальцем, чтобы ее спасти. На допросах она держалась мужественно и разумно, чем немало удивила выдавших виды руанских судей, никак не ожидавших от неграмотной крестьянки такой трезвости и взвешенности. 24 мая 1431 года Жанна д'Арк была сожжена по приговору руанского суда.

Сегодня время от времени приходится читать, что Жанна была галлюцинирующей психопаткой, истеричкой и кликушей. С одной стороны, нелепо было бы отрицать экстатическую религиозную одержимость средневековой европейской публики. Умерщвлявшие плоть в уединенных обителях монахи и юродивые, жившие подавляющим, «аки птицы небесные», пользовались в то далекое время колоссальным авторитетом. Можно вспомнить и о бесоодержимых монахинях Луденского монастыря, из которых страшными голосами кричали демоны Исаакарум и Бегемот, а на коже выступали красные и белые кресты, имена святых и хульные слова. К сожалению, все,

что мы знаем о Жанне, свидетельствует о прямо противоположном. Конечно, она была глубоко религиозной девушкой (немногочисленные атеисты и агностики тогда помалкивали в тряпочку), но при этом отличалась трезвым умом, замечательным здравым смыслом и сильным характером. Она прекрасно ездил верхом, любила оружие и отлично им владела. Мужества ей тоже было не занимать. «Это не кровь течет, а слава», — сказала Жанна, выдергивая вонзившуюся в ее тело стрелу. Чтобы управляться с разношерстным воинством родовитых головорезов и авантюристов, никого ни во что не ставивших, нужно было иметь порывы, как вы думаете? Между прочим, ее поведение на судебном процессе в Руане тоже было выше всех похвал.

На нашу мельницу льют воду и исторические источники. Например, в хрониках деликатно сказано, что Жанне «никогда не пришлось испытать периодических недомоганий, свойственных ее полу». Сказано, конечно, скупно, но в соединении со всем прочим (особенности телосложения, психики, характера) позволяет достаточно уверенно

поставить диагноз—синдром тестикулярной феминизации.

В медицинской литературе девушки и женщины с синдромом Морриса характеризуются как исключительно практичные, деятельные, неутомимые, отличающиеся острым умом и проницательностью. В спорте они очень быстро достигают блестящих результатов, настолько обгоняя обычных женщин, что для рекордисток в последнее время пришлось даже ввести специальный экспресс-метод на предмет установления мужского набора хромосом, чтобы исключить обладательниц синдрома Морриса из женских соревнований.

Исключительные физические и интеллектуальные качества носительниц этого синдрома объясняются, по всей видимости, тем, что соматические ткани остаются «глухими» к действию мужских половых гормонов, которые в избытке продуцируются собственными семенниками. Поэтому гормоны в свободном состоянии циркулируют в крови, активно подпитывая умственную и физическую энергию. Отсюда, между прочим,

следует, что повышенное содержание андрогенов вообще может оказывать своего рода допинговый эффект. Этот эффект можно без особого труда обнаружить, изучая биографии великих мира сего.

Какой бы закрытой ни была сексуальная жизнь знаменитых исторических деятелей, кое-что в хрониках отыскать можно. Например, хорошо известно, что Юлия Цезаря античные историки называли мужем многих жен и женой многих мужей (здесь, кстати говоря, содержится еще и намек на бисексуальность выдающегося полководца, что, впрочем, было обычным делом в греко-римском мире). Безудержной сексуальностью отличались Пётр I, Байрон, Пушкин, Лермонтов, Альфред де Мюссе, Бальзак, Гейне, Лев Толстой. У многих из них высокий сексуальный тонус сохранялся до глубокой старости—те же Толстой и Гёте. И даже если биографии некоторых великих свидетельствуют о полном их равнодушии к прекрасному полу, то это, как правило, говорит всего лишь об элементарной сублимации—переводе сексуальной энергии в

творческую активность, как это было у Канта и Бетховена. В свете сказанного крайне любопытно отметить высочайшую творческую продуктивность у многих аскетов-подвижников. Впрочем, «тонкие властительные связи» между воздержанием при высокой половой силе и творческим вдохновением были подмечены еще в незапамятные времена: «Из пророка, познавшего женщину, семьдесят семь дней не говорит Бог».

4 Гипоманиакальная депрессия. Правильнее здесь было бы вести речь о циклотимии в духе Эрнста Кречмера—периодических колебаниях физического и психического тонуса. (Помните знаменитую ось «шизо—цикло»?) Люди подобного склада никогда не живут ровно и безмятежно. Периоды высочайшего душевного подъема, необыкновенной легкости и непрерывной кипучей деятельности, когда все вроде бы получается само собой, вдруг сменяются угнетенным состоянием духа и глубочайшей тоской. Настроение отвратительное, все валится из рук и вообще свет не мил—хочется лечь и умереть. Такие фазовые переходы могут дать в преде-

ле картину маниакально-депрессивного психоза, когда без помощи психиатра уже не обойтись. Но откровенная клиника нас в данном случае не занимает. Между душевной болезнью и усредненной нормой существует множество промежуточных состояний, когда цикло-радикал звучит все же несколько под сурдинку, не срываясь в крайности. Поэтому применительно к циклоиду или циклотимику (в отличие от страдающего маниакально-депрессивным психозом) правильнее говорить о гипоманиакальности и субдепрессивности—выраженной патологии здесь нет и в помине.

Маниакальная фаза истинного психоза, как правило, непродуктивна, а вот гипомания у творческих натур сопровождается фейерверком идей, сыплющихся как из рога изобилия. Мир гостеприимно распахнут, все его потаенные взаимосвязи обнажены и прозрачны, слова и мысли бегут наперегонки—только успевай записывать. Такое состояние вдохновенного подъема прекрасно описано А. С. Пушкиным:

Между прочим, Александр Сергеевич был,

вне всякого сомнения, циклотимиком с сезонными колебаниями тонуса. Именно у циклотимиков в противоположность большинству людей настроение и работоспособность падают весной, отчетливо поднимаясь осенью. В только что процитированном стихотворении «Осень» он сам пишет об этом совершенно недвусмысленно:

Весьма примечательно, что кроме циклоидности у Пушкина и многих его ближайших родственников отмечался так называемый «артритизм», под которым в то время могли подразумеваться и полиартрит, и ревматизм, и подагра. А поскольку ни ревматизм, ни полиартрит не наследуются надежно в нисходящем ряду нескольких поколений, то сей загадочный «артритизм» был, по всей вероятности, именно подагрой, тем более что подагра была диагностирована у племянника Пушкина. Таким образом, в случае Александра Сергеевича мы имеем сочетанное действие сразу трех биологических стимулов, трех стигматов по Эфроимсону (гипоманиакальный, гиперурикемический и андрогенный), счастливо наложившихся на его исключительную

одаренность, что и дало в результате высочайшую творческую продуктивность.

В родословной Пушкина мы находим целое созвездие величайших гениев и ярких талантов. Типичным гипоманиакально-депрессивным гением был Л. Н. Толстой—дальний родственник А. С. Пушкина. Исследователи творчества Толстого еще полвека назад подметили эти маятникообразные колебания психофизического тонуса великого писателя—от безудержной активности до глубочайшей скорби, уныния и отчаяния. Начиная с первого творческого подъема в 28 лет и до самого конца жизни Толстой периодически то сваливался в депрессию, то взлетал на гребне гипомании. Эти подъемы и спады продолжались по 2—3 года, иногда по 5—7 лет. Эти периоды жуткой апатии и тяжелой неизбывной тоски очень хорошо описала Софья Андреевна: «Первые две недели я ежедневно плакала, потому что Лёвочка впал не только в уныние, но и в какую-то отчаянную апатию. Он не спал и не ел, и сам буквально плакал иногда». Такие субдепрессивные состояния могли продолжаться у Льва Никола-

евича годами, сменяясь фазами феноменальной работоспособности.

Классическим циклотимиком был и Николай Васильевич Гоголь. Практически все им написанное (кроме, пожалуй, «Выбранных мест из переписки с друзьями») создано в возрасте 20—33 лет, причем половину этого времени, а именно весну и лето, он проводил, как свидетельствуют его письма, в состоянии тяжелой депрессии. Сожжение второго тома «Мертвых душ» как раз и было следствием такой депрессии, принявшей уже откровенно клинические формы.

Среди одаренных творческих людей всегда было традиционно много циклотимиков. Некоторые из них, например Ван Гог и Дизель, балансировали на грани с тяжелой патологией: одержимый и бесноватый Ван Гог не единожды оказывался в психиатрической лечебнице, и оба они покончили с собой. В менее остром варианте циклотимия была свойственна Фрейду, Рузвельту и Черчиллю. Гипоманиакально-депрессивным циклотимиком был, по всей видимости, и Гёте. Мы знаем об отчетливых семилетних циклах

спада активности немецкого классика, сопровождавшихся тяжелыми депрессивными состояниями (вплоть до суицидальных мыслей). Дополнительным аргументом в пользу наличия циклотимии у Гёте может служить длительная и крайне тяжелая депрессия, которой страдала его сестра Камила. Эфроимсон пишет, что документально доказана гипоманиакальная природа Линнея и Колриджа, Гоголя и Пушкина, Льва Толстого, Шумана, Сен-Симона, Огюста Конта, Гаршина, Диккенса, Хемингуэя, Лютера.

В среднем в популяции гипоманиакально-депрессивная циклотимия встречается у четырех человек на тысячу, а вот у творчески одаренных людей эта цифра больше по крайней мере в 10 раз—четыре человека из ста.

5

Ума

палата.

Нам остается рассмотреть последний эфроимсоновский стигмат—*высоколобость*. Осевая линия эволюции—наращивание мозговой мощи. Допотопным гигантам с чудовищной мускулатурой и крошечным мозгом рано или поздно приходилось уступать дорогу своим более сообразитель-

ным собратьям. Столбовая дорога из прошлого в будущее пролегла мимо туповатых исполинов; равнодушная природа безжалостно спихнула их на обочину.

Хотя человек по относительному весу мозга и не стоит на первом месте среди млекопитающих (по этому показателю нас опережают, например, дельфины), тем не менее у *Homo sapiens* самая большая относительно всего мозга кора и самая богатая сеть связей между нейронами. Вдобавок природа нас снабдила уникальным корковым инструментом—*лобными долями*. Конечно, лобные доли имеются и у приматов, но у человека их архитектоника и удельный объем несопоставимо превосходят обезьяньи аналоги. Лобные доли—это своего рода мозг над мозгом. Они организуют нашу сложную и гибкую оперативную память и обеспечивают глубину и целенаправленность внимания. Они являются органом самосознания, критичности и социального интеллекта, наконец, по единодушному мнению едва ли не всех нейрофизиологов, с ними связаны творческие потенции человека. Одним словом, лобные

доли—это средоточие того, что выдающийся русский психиатр Корсаков в свое время назвал «направляющей силой ума».

В случаях так называемой *лобной недостаточности* (при болезнях, оперативных вмешательствах, травмах, когда разрушаются связи между лобными долями и другими отделами головного мозга) сразу же пропадает то, что принято называть творческой жилкой. Такой человек может прекрасно справляться с прежней привычной работой, сохранять и даже совершенствовать профессиональные навыки, но принципиально новая задача окажется ему не по зубам. Новую специальность он не освоит и никогда ничего не откроет и не изобретет. Всяческая оригинальность и нетривиальность улетучиваются без следа.

Легкую лобную недостаточность можно наблюдать у так называемых «салонных дебилов». Эти люди могут иметь прекрасную память, быть прилично образованными, практичными, расчетливыми и хитрыми. Нередко они без особого труда получают высшее образование и облада-

ют неплохими узкоспециальными способностями, например шахматными или музыкальными. До поры до времени они даже могут производить весьма выгодное впечатление на окружающих, пока вдруг неожиданно не обнаруживается блистательная трафаретность и банальность их мышления во всем, что требует сколь-нибудь нестандартных решений. Одним словом, это недалекие люди, напрочь лишенные всякой оригинальности, без конца повторяющие общеизвестные трюизмы. А иногда весь дефект сводится к недостатку чувства юмора.

По мнению многих антропологов, как раз более совершенная организация лобных долей помогла людям современного типа победить в эволюционной борьбе палеоантропов, больше известных под именем неандертальцев. При изучении эндокранов (отпечатков борозд и извилин на внутренней поверхности черепной крышки) выяснилось, что, несмотря на точно такой же или даже больший, чем у современного человека, головной мозг, лобные доли у неандертальцев были гораздо примитивнее, что не могло не сказаться

ся, в частности, на стабильности их социального поведения. По всей видимости, неандертальские коллективы были более неустойчивы и «атомизированы», чем аналогичные сообщества Homo sapiens.

Как бы там ни было, но вряд ли нужно доказывать, что сам по себе большой лоб еще все не гарантирует высокого интеллекта. Однако выявленная нами тенденция преимущественного развития головного мозга и особенно его лобных отделов позволяет заподозрить статистически значимую корреляцию между высоколобостью и уровнем интеллекта. Изучая портреты выдающихся исторических деятелей, ученых, писателей и музыкантов, нелегко игнорировать очевидное гигантолобие Бетховена, Мольтке, Листа, Наполеона Бонапарта, Шекспира, Вольтера, Гёте. И хотя Декарт, Мюссе или Гегель были низколобы, но зато отчетливо высоколобыми предстают перед нами Гумбольдт и Кант, Дарвин и Пастер, Ломоносов и Мендель.

Эфроимсон рассказывает об исследовании, которое он провел, просматривая пятитомную

монографию В. Зейдлица «600 портретов выдающихся людей», составленную в 80-х годах позапрошлого века. Отбраковав негодные изображения (когда нельзя было однозначно определить высоту лба), он разделил всех оставшихся на пять групп: низко-, средне-, высоко-, очень высоколобые и гигантолобые. Далее Эфроимсон пишет: «Низколобым из всех персонажей В. Зейдлица оказался лишь Альфред де Мюссе. Оставшиеся 204 портрета включали 33 человека (15 %) среднелобых, и среди них исключительно одаренные люди: Моцарт, Шуман, Лессинг... Некоторые просто высоколобы (56 человек). Среди них—Пётр I, Паскаль, Джордж Вашингтон, Байрон, Гейне... Однако подавляющее большинство (96 человек)—очень высоколобы. В гигантолобые “попали” Альфиери и Сервантес, Монтень и Вольтер, Дидро и Гюго (всего 18 человек). Следовательно, гигантолобых и очень высоколобых на эту “выборку” пришлось больше половины.

Сходный результат дал просмотр почти 500 фотографий «Энциклопедического музыкального словаря». Неплохим «контролем» оказалась

книга немецкого исследователя Е. Раквица «Помогшие изменить мир». Среди 26 героев этой книги высоколобы Леонардо, Т. Мюнцер, Парацельс, Лессинг, Руссо; гигантолобы Дарвин, Циолковский, Ломоносов. Правда, у шести лоб закрыт. . . »

Таким образом, остается сделать вывод, что, хотя нам известны выдающиеся персоны с невысоким лбом и легким мозгом (например, Эдгар По или Анатоль Франс, объем мозга которого сопоставим с мозгом питекантропа), статистически среди гениев и ярких талантов все-таки преобладают высоколобые. Их удельный вес среди великих ощутимо превосходит аналогичный показатель для популяции в целом. Между прочим, в народе высокий лоб всегда считался признаком большого ума. И наверное, совсем не случайно в Англии интеллектуалов зовут «высоколобыми», а в Америке—«яйцеголовыми» . . .

Повторим, что абсолютизировать высоту лба и вес мозга не надо хотя бы потому, что крайние пределы объема черепа младенцев определяются размерами женского таза. Но некая ста-

тистически достоверная корреляция здесь все же присутствует. Эстеты начинают кривиться и морщить нос, когда фантасты рисуют им облик человека далекого будущего с громадной головой, субтильной фигурой и укороченным позвоночником. Такая эволюция не по душе многим, хотя не следует сбрасывать со счетов соответствующую трансформацию эстетических норм. Прекрасные лбы большинства гениев достаточно красноречиво свидетельствуют, куда клонит природа.

В заключение нам хотелось бы немного расширить пятичленную конструкцию В. П. Эфроимсона. Рассмотрев достаточно подробно выдающихся циклотимиков, он почему-то ни слова не сказал о шизоидах, располагающихся на другом полюсе кречмеровской шкалы. Между тем их вклад в мировую культуру трудно переоценить. Людей с шизоидной организацией психики можно без особого труда в избытке обнаружить практически в любой сфере человеческой деятельности.

Прежде всего вспомним, что шизоид—это ни в коем случае не душевнобольной, а вполне

нормальный субъект. Наличие так называемого шизорадикала означает только одно: если его носителю будет суждено психически заболеть (что, разумеется, вовсе не предопределено фатально), то с высокой степенью вероятности это будет психоз шизофренического круга. Другими словами, шизоидность (как, впрочем, и циклоидность)—это особенности характеристики, особый тип организации психики и постижения мира, некая потенция, могущая при неблагоприятном развитии событий увенчаться душевной болезнью—шизофренией в первом случае и маниакально-депрессивным психозом—во втором.

В психиатрии есть такое понятие—*философская интоксикация*. Это нормальное состояние юного ума, на который в один прекрасный день обрушиваются все проклятые вопросы мироздания. Что есть мир и человек в нем? Было ли у мира начало и будет ли у него конец? Конечно ли Вселенная? Есть ли жизнь по ту сторону смерти? Подобный возрастной кризис переживают многие, и плох тот ум, который хо-

тя бы раз не попытался объять необъятное. Но с течением времени жизнь входит в накатанную колею, и высокие абстракции вытесняются на периферию сознания. Реальный мир с его весомой и зримой вещностью начинает заявлять о себе все более властно. Излишне затянувшуюся философскую интоксикацию некоторые психиатры считают одним из ранних симптомов латентной шизофрении.

Но кто определит необходимую дозу? У Эйнштейна философская интоксикация началась лет с шести и продолжалась до конца жизни. Отчетливый шизорадикал в психике величайшего физика почти не вызывает сомнений, но человечество от этого только выиграло. Надо сказать, что без шизотимиков и ярких шизоидов величественный храм мировой культуры вообще изрядно бы потускнел. Возможно, он даже не был бы закончен. Гениальные философы Спиноза, Кант и Фихте были классическими астениками и типичными шизотимиками. Несомненным шизотимиком был Гегель, а Ницше—ярким шизоидом. А Паскаль, сказавший: «Вечное безмолвие этих

бесконечных пространств более всего на свете пугает меня»? А великий Ньютон с его «длинноруким мозгом», кончивший шизофреническим психозом и толкованием «Апокалипсиса»?

Галерея шизоидных типов разнообразна. Среди них мы находим фанатиков от религии и политики вроде Кальвина, Робеспьера или Лойолы и мыслителей-пророков, как Тейяр де Шарден, написавший блестящую книгу «Феномен человека». Бесспорными шизоидами были физики Поль Дирак и Лев Ландау и гениальный австрийский философ XX века Людвиг Витгенштейн. А вот у Лермонтова, Скрябина, Шумана и Суворова был отчетливо шизоидный почерк. . .

Мы уже писали о нашем соотечественнике, полубезумном и поразительно одаренном поэте Велимире Хлебникове, напоминавшем большую нахохлившуюся птицу, что-то бормочущую себе под нос еле слышным шепотом. Не имея ни своего угла, ни денег, он бесконечно скитался по стране, а все его имущество состояло из старой наволочки, набитой стихами. Поэт Дмитрий Петровский, сопровождавший Хлебникова в одном

из таких странствий, рассказывал, как однажды он тяжело заболел и вдруг увидел, что Хлебников поднимается, чтобы продолжать путь.

«— Постой, а я? — спросил Петровский. — Ведь я могу тут умереть! — Ну что ж, степь отпоет, — ответил Хлебников».

В третьей главе мы достаточно подробно писали о том, почему среди величайших революционеров в науке и ниспровергателей основ так много людей этого психофизиологического типа. Коротко повторим самое главное.

Классический шизоид—это человек кривой логики, склонный к бестрепетному сопоставлению далековатых понятий. Его ассоциации причудливы, неожиданны и поражают воображение. В запутанном и неясном он чувствует себя как рыба в воде. Он смотрит на мир через очки своих схем, и очевидная рассогласованность собственных умозрительных построений с общепринятым его ничуть не беспокоит. Он негативистичен, упрям и всегда знает, как надо. Давления среды для него не существует. Даже в мелочах он никогда не испытывает потребности быть «как

все». Коротко говоря, шизоид по самой своей природе не умеет мыслить стереотипно, и если это счастливое свойство соединяется с интеллектуальной одаренностью, на выходе может получиться продукт исключительно высокого качества.

Возвращаясь к стигматам В. П. Эфроимсона, отметим еще один любопытный феномен— присутствие у одного человека сразу нескольких факторов, способствующих повышенной умственной активности. Например, некоторые гипоманиакальные гении имели еще и подагрическую стимуляцию—Лютер, Линней, Пушкин, Гёте, Диккенс, Дизель. Частота гиперурикемии в нормальной популяции, как мы помним, составляет не более четырех человек на тысячу и частота гипоманиакальности точно такая же, поэтому вероятность случайного совпадения этих признаков не превышает четырех случаев на миллион, тогда как среди выдающихся деятелей истории, науки и культуры таковых не менее десятка. Другими словами, обнаружение десяти «бистигматиков» среди четырехсот великих уже более чем в тысячу раз превышает ожидаемые по статистике цифры, что совершенно невероятно, если бы это было всего лишь простой случайностью. А ведь кроме двойного механизма существует и тройной—Дарвин, например, или Пушкин. . .

Остается сказать, что мало болеть подагрой

или обладать неустойчивой психикой, чтобы сделаться гением. Мы надеемся, что это достаточно очевидно и без подробных объяснений. Высокая психическая активность и феноменальная работоспособность—это, конечно, замечательно, но сами по себе они вряд ли в состоянии обеспечить исключительный результат. Нужны талант, одаренность, вдохновение—называйте эти вещи как хотите. Можно поднять температуру в паровозной топке до максимальных цифр, но если угля в тендере чуть да маленько, пламя погаснет очень быстро. В жизни нередко так и бывает—блестящий и многообещающий дебют очень скоро сходит на нет и заканчивается ничем. Кто-то удачно сравнил таких вундеркиндов с падающими звездами, которые светят столь же ярко, сколь и недолго.

С другой стороны, любые биологические «допинги», любая самая яркая индивидуальность могут быть легко загублены при неправильном обучении и воспитании. Психофизиология—не панацея, нелепо было бы отрицать огромную роль социальных факторов во всем их многооб-

разии. Вопреки распространенному убеждению, даже очень одаренным людям бывает нелегко состояться. Блестящие способности и умение преодолевать трудности далеко не всегда шествуют рука об руку. Потенциальная гениальность может остаться нереализованной—подобным примерам несть числа. Отсюда понятно, какую исключительно важную роль приобретают воспитание и обучение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Башкирова Г. Б.* Наедине с собой / Г. Б. Башкирова. – М.: Мол. гвардия, 1975.
2. *Васильев Л. Л.* Таинственные явления человеческой психики / Л. Л. Васильева. – М. : Госполитиздат, 1963.
3. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1991.
4. *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды / П. Б. Ганнушкин. – М.: Медицина, 1964.
5. *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы / В. Р. Дольник. – СПб. : ЧеРо-на-Неве : Паритет, 2003.
6. *Леей В. Л.* Охота за мыслью / В. Л. Леви. – М. : Мол. гвардия, 1971.
7. *Леви В. Л Я и Мы* / В. Л. Леви. – М. : Мол. гвардия, 1969.
8. *Общая психология : учебник для вузов.* – Саратов : Науч. книга, 2003.
9. *Общая психология : курс лекций для первой ступени педагогического образования / сост. Е. И. Рогов.* – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998.
10. *Психология : учебник / под ред. А. А.*

Крылова. – М.: Проспект, 2000.

Физкультура и спорт, 1964.

12. *Тарле Е. В.* Сочинения : в 12 т. / Е. В. Тарле. Т. VII. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.

13. *Теплое Б. М.* Избранные труды : в 2 т. Т. I / Б. М. Теплов. Т. I. – М.: Педагогика, 1985.

14. *Шеповальников А. Н.* Как заказать сновидение / А. Н. Шеповальников. – Л. : Лениздат, 1987.

15. *Шергпок Л.* Непознанное в психике человека / Л. Шерток. – М.: Прогресс, 1982.

16. *Эфроимсон В. П.* Загадка гениальности / В. П. Эфроимсон. – М.: Знание, 1991.

Примечания

1

Другой я, второй я (лат.). – *Ред.*

2

Преимущественно, по преимуществу (франц.)—*Ред.*

3

Из предшествующего (лат.), на основании ранее известного; заранее. – *Ред.*

4

Ужасный ребенок (франц.); человек, шокирующий окружающих своим поведением. – *Ред.*

5

За и против (лат.). – *Ред.*